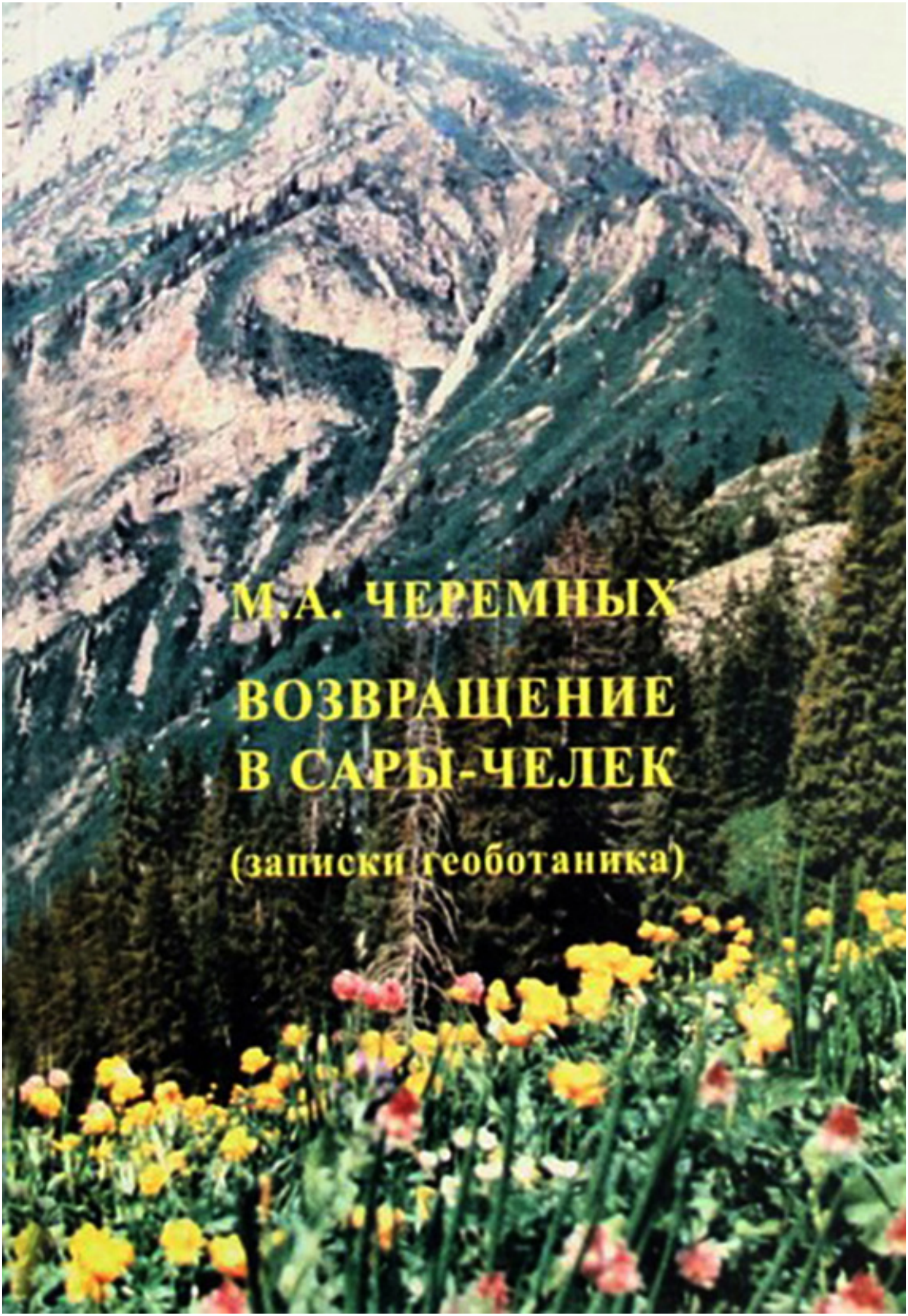


М.А. ЧЕРЕМНЫХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В САРЫ-ЧЕЛЕК

(записки геоботаника)

Михаил Черемных

Возвращение в Сары-Черек

«Товарищество научных изданий КМК»
2008

Черемных М. А.

Возвращение в Сары-Черек / М. А. Черемных — «Товарищество научных изданий КМК», 2008

ISBN 978-5-87317-467-6

Ботанико-географические, экологические, исторические и приключенческие изыскания. На страницах книги Вы найдете целый ряд интересных наблюдений и приключений самого разного плана, развивающихся на фоне пышной растительности Западного Тянь-Шаня, в Киргизии. Вы пройдётесь по уникальным ботаническим ландшафтам, побываете в ореховых лесах, в зарослях высоких зонтичных, на альпийских лужайках и в высокотравьях сырых ущелий… Книга написанная на изломе эпох, в атмосфере последнего издыхания СССР, отразила на своих страницах характерные особенности происходящих в это время событий и перемен, как в обществе, так и в сознании людей, в том числе автора. В книге нет ни одной вымышленной фамилии, все названные её герои реальны, в большинстве работающие и здравствующие ныне, все события – маршруты и наблюдения – происходили так, как они описаны. Даже если философские выводы книги пессимистичны, вам не будет скучно на её страницах. Книга хорошо иллюстрирована фотографиями автора, пополнена фотографическим материалом и рисунками из других изданий, ссылки на которые перечислены в соответствующих разделах.

ISBN 978-5-87317-467-6

© Черемных М. А., 2008
© Товарищество научных изданий КМК, 2008

Содержание

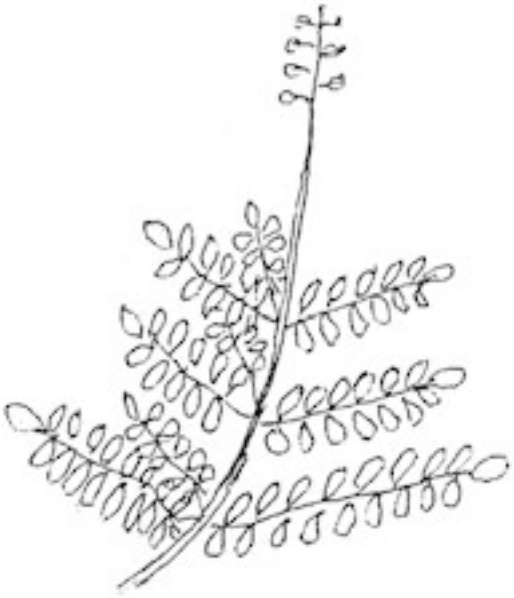
Предисловие 7
Глава 1. В забытых горах Бозбу-Тау 9
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Михаил Черемных
Возвращение в Сары-Челек

© Черемных М.А., текст, иллюстрации, 2008
© Товарищество научных изданий КМК, издание, 2008

* * *

Предисловие



Однажды, ещё в Иркутске, перед тем как отправиться в далекий, совершенно неведомый Тянь-Шань, я зашел в библиотеку и просмотрев десяток справочников, разных лет, с удивлением нашел там упоминания об уникальных ореховых лесах. Это моё удивление не закончилось, когда уже не первый год я бродил под тенистыми кронами орехов. Не закончилось оно и сегодня, по прошествию нескольких лет, как мы покинули эту горную страну. Книга «Возвращение в Сары-Челек», не появилась бы без одного незначительного события. В 1988 году, будучи научными сотрудниками одного из академических учреждений Бишкека – Института биологии, мы с коллегами, закончили многолетнюю работу над важным правительственным заданием – крупномасштабной геоботанической картой, входящей в серию карт о природе Киргизии. Это было знаменательное событие. Прошли собрания, поздравления. Где-то в это же время нашу лабораторию посетил известный журналист из популярной газеты… На следующий день после визита журналиста я зашел в кабинет заведующего, доктора биологических наук, А. С. Цеканова и тот, пуская клубы густого сигаретного дыма, некоторое время вертел в руках исписанный лист бумаги, точно не знал, в какой угол стола его положить. Наконец, определившись с листом, он повернулся ко мне.

– А, Михаил, садись. Тут одно предложение поступило. Даже не думай отказаться, я обещал. Нужно подготовить два-три научно-популярных рассказа, о редких декоративных или лекарственных растениях нашей республики, или о сообществах интересных, ну там о лугах, болотах, лесах или пустынях. Ты же жил в Сары-Челеке, вот и напиши что-нибудь оттуда, мы потом выберем и опубликуем самый удачный.

Я начал, возражать, но это ни к чему не привело.

– Не получится – никто тебя не осудит, но ты все же постарайся, – добавил он. Прошло несколько недель, несколько месяцев, но никто не вспомнил об этом странном задании. Мною было подготовлено не 2-3, а где-то 7-8 рассказов.

Проходило время и мне стало ясно, что о сочинениях моих никто не вспомнит, впрочем, и напоминать о них я то же не стал, чувствуя какую-то незрелость в восторженных и чересчур красочных сюжетах, особенно, когда начинал почему-то сравнивать свой стиль со стилями известных авторов-натуралистов: «Недотягивают, как много недотягивают!»,

сокрушался я. Время от времени, когда какой-то дятел стучал в голове, точно напоминал о необходимости заняться рукописями, я доставал их из стола, вставлял новые эпизоды и прятал в стол. За год-полтора рукописи обросли многоэтажными поправками и дополнениями, они стали совершенно несопоставимы по объёму с теми, что были написаны изначально, а первые восторги уже отыскивались с трудом в разросшемся тексте. Наконец, переписав рукопись в очередной раз, я изложил её содержание от первого лица, добавил элементы хроники, сделал попытку превратить разобщенные рассказы в главы единой книги, с общей сюжетной линией. Удалось ли мне это сделать?

Это книга о растениях и растительных сообществах. Перелистывая её страницы, Вы пройдетесь по горной тайге, по широколиственным лесам из ореха грецкого, по луковым лугам и горным полусаваннам. Вы познакомитесь с сообществами других всевозможных экзотических трав, которые будут скрывать с головой, кустарников – преодолеть которые можно будет только по кабаньим ходам, ползком, и всюду они будут так близко, точно вы сами раздвигаете их многочисленные стебли своими руками. Вы будете различать их, читать названия и видеть как их много. Местами сюжетная линия теряется, как тропа на высоких водоразделах. Вы увидите звёздное небо над головой, поищите ответы на другие навязчивые вопросы современности, по философии, истории, экономике, поспорите со своими оппонентами на тему, что ждет нас впереди, но не долго вы будете блуждать под звездным небом, сюжетная линия снова появится, как тропа, которую только что потеряли и вновь нашли. Станет весело, солнечно, и преграды превратятся в веселое приключение, а впереди всех ждет горячий чай, незатейливый ужин и интересные рассказы у костра.

В книге много событий, любопытных историй, примечательных наблюдений и встреч с интересными людьми. Они описаны так, как происходили на самом деле. Её герои реальны, ни одна фамилия не вымышлена, приключения не приукрашены. Я признателен своим попутчикам и терпеливым спутникам, которых протащил по горам, иногда с непредвиденными трудностями и опасными моментами, вместо ожидаемой ими, более легкой прогулки.

Итак, мы побываем в Чаткальском хребте – на реке Кара-Суу и её притоках, заедем в город Таш-Кумыр, в села Караван, Джанги-Джол, Кызыл-Туу, поживем в Арките – в Сары-Челекском заповеднике, в Бишкеке – столице Киргизии, погуляем по улицам города Ош и ещё в других местах.

Глава 1. В забытых горах Бозбу-Тау

25 июня. Иногда получается так, что событие, к которому основательно и долго готовились, надвигается неотвратимо, и складывается впечатление, что оно всё же захватывает нас врасплох. Мы уже ничего не можем изменить… Нечто похожее происходит и теперь. Я выезжаю в экспедицию, в южные отроги Чаткальского хребта. Это бы ещё куда ни шло, но на этот раз со мной собираются Мария Александровна и двое сыновей. В сумке старшего, семилетнего Александра, я нашел карандаши, десяток ручек – больше чем у меня, географические карты и старый сломанный фотоаппарат, который, он, вероятно, надеялся отремонтировать в горах. Младший, пятилетний Антон, приготовил кучу вещей, необходимых в экспедиции, среди которых роликовая доска, маска и трубка для подводного плавания. В рюкзак жены я не рискнул заглянуть.

Распределив общие вещи пропорционально физическим возможностям каждого из участников, мы заблаговременно загрузили всё это в попутную машину зоологов, направлявшуюся во главе с Эмилем Джапаровичем Шукуровым – известным бишкекским писателем, орнитологом и художником – в Ферганский хребет. Тем не менее, всю ночь была суета. Нужно было оставить комнатные растения так, чтобы они не засохли, за два-три месяца нашего отсутствия. Я заворачивал их в целлофан вместе с посудой, оставляя на поверхности только самую верхнюю часть растений, заливал туда побольше воды…

Вчера обсуждали предстоящую поездку со старейшим сотрудником лаборатории – Лидией Ивановной Поповой. Она напутствовала и напоминала где побывать, что посмотреть, сказала, что отправит к нам машину, где-то в августе, для поездок по некоторым ущельям Чаткальского хребта. Там надо было многое посмотреть, уточнить. Понимая, что машину вряд ли удастся «пробить», я слушал Лидию Ивановну, утвердительно покачивая головой.

Ловлю себя на ощущении, что со смешанным чувством тревоги и радости уезжаю от городской спешки и суеты. От житейской неустроенности и от однообразной необходимости каждый день приезжать в Институт. От пыльных автобусов, заплеванных улиц и подъездов домов, вызывающих чувство отчаяния, что люди сами создают вокруг себя такие условия. От неотредактированных статей, от неотправленных писем…

Уезжаю с надеждой, что где-то в горах, ритм жизни будет иной и возможно на крутом склоне или под развесистым орехом я смогу привести в порядок свои мысли, сделать новые описания ботанических ландшафтов, найти недостающие звенья классификационной схемы…, уезжаю и от необходимых срочных дел, с которыми не всегда легко расставаться.

Не смотря на все проблемы связанные с отъездом, особое удовлетворение доставляет мысль, что я, наконец-то, надолго расстаюсь с начальством. Я не имею в виду давно уже перешагнувшую пенсионную черту жизни Лидию Ивановну – начальников и без неё было достаточно. Напротив, в ней я видел последний «реликт», «оплот», «форпост» еще сохранившейся, но уже безвозвратно уходящей в прошлое «классической ботаники». Образы её современников можно найти сейчас только в «воспоминаниях» старых книг. За несколько лет совместной работы у нас не было недоразумений, обид или ссор. Не досаждало и другое – предпенсионное начальство, считавшее своих младших коллег чем-то вроде разнорабочих и возложившее только на себя заведомо непосильную задачу – быть единственными сподвижниками современной геоботанической науки. Не раз на собраниях, я слышал их воодушевленные возгласы: «Мы идем верным путем!» Так было всегда, когда дело касалось «стратегических направлений» в геоботанике. А были ли таковые? На меньшее – они не шли. А впрочем – и они были неплохие люди, по-своему симпатичные, интеллигентные, как и все ученые.

Месяцем раньше. Мы работаем в Институте. В открытое, но зарешеченное окно свесилась листва и белые от обильных цветов ветви какой-то южной черёмухи. Комнату наполняет чудесный аромат. На улице тёплая, мягкая, совершенно не забываемая, фрунзенская весна. Перед нами развернута очень старая, рукописная, геоботаническая карта, о годе составления которой можно только догадываться. Может, 1930 или 1933-й.

– Этот контур так и тянется вдоль хребта, он рассекается долинами рек, – говорю я. Речь идет об классических пастбищах в лугостепном поясе Киргизского хребта, описанных ещё Р.И. Аболиным.

– Да, согласна, но там уже совсем другая растительность. Хорошо, если сохранились фрагменты от этих лугостепей, – слова предвещали кропотливую работу над контуром, и то, что мы еще не один час просидим, не разгибаясь, перед разложенными на столах свитками, картами, пока не проверим все первоисточники, или до тех пор, когда мало кому ведомые названия глухих ручьёв, ущелий, пересекающих исследуемые контура, на время не переключат нас на более свободные темы, а там глядишь, подоспеет время полдника или обеда.

Мы работаем над другим листом.

– В этом ущелье, Куляма-Сае, простояли три дня. Не запланированные были дневки[1]. Зато нашли там ореховые деревья, рощи из боярышника и клёна. А это говорит о том, что орех встречался в ущельях Кетмень-Тюбинской котловины и нередко. Причины его исчезновения там не установлены, я думаю что вырубки. А места, что говорить – великолепные. В то время растительность не была так сильно стравлена и вытоптана… А вот здесь, по водоразделу, я помню, такие пышные травостои, с головой скрывали, – карандаш соскользнул в низ, на дно Кетмень-Тюбинской котловины. – А здесь, к сожалению, затоплены реликтовые пустыни и полупустыни. Их даже не успели изучить как следует, описать. В те времена ни у кого не спрашивали, как впрочем, и сейчас, но с поездками проще было, и с машинами больших проблем не возникало. На месте всегда можно было арендовать лошадей. Да и народ другой был. Раньше палатку можно было оставить, не закрывая, никто не посягнёт на наши вещи. Уходили на весь день. Вечером приходили – все на месте. И так было всегда. А теперь? Из-под носа утянут, только отвернись. Темы для разговоров непроизвольно вытекали из самого процесса нашей работы – из географических названий, они навеивали различные

[1] Однодневные остановки на отдых, во время экспедиции.

ностальгические воспоминания экспедиций, маршрутов, имен… Лидия Ивановна вспоминала геоботаников, флористов – своих коллег, с которыми работала или встречалась в прошлые годы – Р.И. Аболина, М.Г. Попова, Е.П. Коровина, СИ. Кудряшова, М.М. Советкину, И.В. Выходцева… Этот список можно продолжать долго. В личной библиотеке она хранила десятки книг с дарственными подписями авторов. Я брал у неё необходимые для работы издания, уже ставшие библиографическими редкостями и почти всегда находил на обложках выгоревшие чернильные строки автографов с датами начала 1930-х годов до последних дней.

– То были совсем другие люди. Таких сейчас нет. В доме у Е.П. Коровина говорили по-французски, это они специально говорили, чтобы не забывать, ведь дворяне. Такой отголосок дореволюционной России.

– А в экспедициях, Вы с ним, бывали?

– Раза два, – Лидия Ивановна замотала головой утвердительно. Иногда приоткрывались какие-то тайны и снова захлопывались, плотно, непроницаемо…

– А с М.Г. Поповым?

– С М.Г. Поповым, нет, не ездила. Он упрямым был, нарывался на скандалы, с начальством. Ему машин не давали, пешком ходил по горам, но лучше его никто растения не знал… Где-то на съезде литераторов выступил, в Прибалтике, что ли, и зачем он туда полез, что ему там надо было? Так что его сразу же отправили почти на Камчатку. Оттуда он уже не вернулся. – Лидия Ивановна не развивала тему. Она знала очень много. Знала как «съели» другого ученого – А.И. Янушевича, работавшего в стенах этого Института. Как-то, я наткнулся на черновик «протокола» партсобрания Института, случайно или не случайно оказавшийся среди наших бумаг – отрывок текста в одну страницу, где критиковали и унижали этого крупного ученого, и критиковалии как раз те, кто и ныне ничего из себя не представляет. Я вижу их в Институте, сидящими за своими столами, уже постаревшими. Они приветливы и любезны. Пожимая им руки, я думал, как бы я повел себя в то время?

– А с Р.И. Аболиным, Лидия Ивановна, встречались?

– А как же, – и, словно что-то вспомнив, она проговорила, – ах, Роберт Иванович, Роберт Иванович, это был замечательный человек. Приходилось в экспедициях с ним бывать. Студенткой ещё. За что-то их всю семью из Питера выслали, между собой разделили, так что все в разных концах жили, и где-то сгинули, никто не знает, а ученый был известный…

– А с О.Э. Кнорринг?

– С ней – встречалась, на конференциях и совещаниях в основном. Мы часто беседовали. Вы же знаете, она ещё в 1911 году с переселенческими экспедициями выезжала, и не один раз. Одна из первых побывала в вашем Сары-Челеке…, и с М.В. Культиасовым встречалась, этот наш – ташкентский, я у него училась. И у Е.П. Коровина училась… Брат его растения рисовал. У меня есть их совместная монография «Ферулы» – огромная книга, форматом в метр, подаренная автором, там все рисунки ферул, почти в натуральную величину. Анна Григорьевна её взяла, так и не вернула. Это потомки того художника…, и М.М. Советкина с Ташкента, она там в Институте коневодства работала, пастбища изучала. Ездили много и зимой и летом, ученые тогда себя не жалели, сейчас жалеют, а тогда – нет…, В.И. Липского не видела, он тогда уже старый был, правда последнее своё путешествие совершил в преклонном возрасте. Теперь нет таких величин, тем более, среди наших… – она хотела что-то еще добавить, но замолчала.

– А Анна Григорьевна, это кто?

– Вы что, Михаил, А.Г. Головкову не помните, она в Сары-Челек выезжала где-то в начале 1970-х гг. Аспирант был у неё, кавказец, Борлаков, вроде, фамилия. Она тогда Центральным Тянь-Шанем занималась и труды у нее по Центральному Тянь-Шаню имеются.

Один экземпляр своей монографии она мне подарила. А вот карта у неё некудышная, вранья много. Я этой карте не доверяю. Х.У. Борлаков потом уехал куда-то в Европу работать. Больше Сары-Челеком никто по серьёзному не занимался…

Несколько лет назад, приехав в Бишкек, город назывался тогда Фрунзе, в коридорах университета я с нетерпением ждал встречи А.Г. Головковой. Она отпустила студентов и вышла из аудитории, держа в руках стопку книг, среди которых по темно-синей обложке я узнал её знаменитую монографию «Растительность Центрального Тянь-Шаня». Эффектная, солидная дама, профессор, быстро пошла вдоль коридора к своему кабинету, не обратив на меня внимания, я побежал вслед за ней.

– Анна Григорьевна, можно с Вами поговорить, я ботаник из Сары-Челека, мне нужен руководитель, по теме «Растительность…», не могли бы Вы взять меня… – быстро проговаривал я суть вопроса, опасаясь, что больше такого шанса может не быть, моя командировка заканчивается вот уже завтра. Она остановилась.

– Нет, нет, я очень занята, у меня студенты и у меня уже есть аспиранты. Вы зайдите в Институт биологии, в Академию наук, там есть лаборатория геоботаники и найдите там Л.И. Попову. Она известный в городе, в республике специалист. Сейчас они работают над правительственным заданием – Геоботанической картой Киргизии. Там задействовано много людей из Ленинграда, из Ташкента. Может быть, Вам удастся с ней договориться. Там есть еще новый заведующий лабораторией, только что защитившийся доктор наук А. С. Цеканов. С ним тоже поговорите. – Анна Григорьевна направилась по коридору в свой кабинет.

Я так и поступил. В Институте биологии меня сразу же приняли как своего будущего сотрудника. Некоторую роль здесь сыграло то, что я какое-то время работал в Институте географии в Иркутске, и меня не надо было готовить как специалиста. Л.И. Попова, предложила мне перебраться в Бишкек. Она поставила вопрос перед начальством о моём переезде в столицу, и начальство не имело возражений. Объявили конкурс – опубликовали в газете условие на занятие вакантной должности научного сотрудника, и через месяц я уже был в столице. С сожалением мы покинули Сары-Челек, подрастали ребята и им надо было идти в школу.

Обстановка в институте в те времена была доброжелательная. Сотрудники очень хорошо относились друг к другу, все были любезны, искренни, добры. Проходили ученые советы, конференции, экспедиции, издавались сборники…

Не было сплетен, злословий, интриг, и мне посчастливилось поработать в прекрасном коллективе, где директором был уважаемый всеми член-корреспондент М.М. Токобаев. Он разрешил моей семье временно поселиться на экспериментальной базе Института биологии Кок-Джар, пока не будет подыскано другое жильё. Временное растянулось на 10 лет. Если бы Анна Григорьевна тогда взяла меня в свои аспиранты, мы не переехали бы в Бишкек. Раза три по каким-то делам А.Г. Головкова появлялась в нашей лаборатории. Может быть в качестве консультанта её приглашала Лидия Ивановна. В последний раз она заходила совсем недавно. Рассказывала о былых поездках на Чаткальский хребет еще с Е.П. Коровиным, как давно это было и какие это незабываемые годы, когда впереди маячили светлые десятилетия блестящей карьеры ученого. Совершенно неожиданно она пожаловалась на изменившуюся ситуацию в связи с новыми политическими веяниями в стране.

– В одночасье, в одночасье, нас лишили всего… – мужа, она называла его по имени отчеству, лишили должности, сбросили в низ с такой высоты. Он занимал в правительстве какой-то значительный пост… и Анна Григорьевна уже не декан факультета и не заведующая кафедрой ботаники в университете, и даже не рядовой преподаватель. Её просто отправили на пенсию.

Мы снова нагибаемся над картой. Наш кабинет – большая, серая, мрачноватая комната. Вдоль стены размещались гербарные шкафы, в которых хранились изученные и опре-

деленные крупными специалистами, гербарные образцы растений, в том числе – эдификаторов и доминантов разных растительных сообществ с отдаленных хребтов Тянь-Шаня. Мы тесно сотрудничали со специалистами лаборатории флоры – Р. А. Айдаровой, Р. М. Султановой, И.Г. Судницыной, побывавшими в разные годы в Сары-Челеке, а так же с флористами Института ботаники, из Ленинграда.

Это был очень ценный материал для сравнения и избежания ошибок. Столы стояли посредине комнаты, прикрывая проход. В переднем углу большой сейф, в котором хранились сотни разных рукописных и печатных карт, с грифом «Секретно», пачки геоботанических описаний, полевые дневники и легенды к картам. Во втором отделении сейфа – десятки книг для текущей работы. Книги имели свойство исчезать со столов, и их прятали. Основными материалами, с которыми мы работали, служили не только личные наблюдения в экспедициях, но и карты земле- и лесоустройств прошлых лет. В связи с этим я часто работал в картохранилищах земле- и лесоустроительных предприятий. Наиболее интересными представлялись первые геоботанические карты, составленные в двадцатые и в тридцатые годы, но их было мало. Они напоминали детские рисунки, казалось, совсем недавно были раскрашены цветными карандашами. Вчитываясь в названия контуров с прангосниками, с арчевниками, я видел начерченные, островершинные горы с блестящими ледниками на верху и сбегающими с них голубыми лентами ручьёв, рек и мысли уходили куда-то в те времена, под палящее солнце 30-х, и в пыль экспедиционных караванов…, а я стоял на краю дороги, провожая их взглядом. Значительно больше карт было выполнено в 1940-е и в 1950-е годы. Они составлялись с участием или под руководством лидирующего тогда в Киргизии специалиста, в области геоботанического картографирования, И.В. Выходцева, в последствии крупного геоботаника. Выполняли эту, несомненно интереснейшую работу, выезжали в опасные экспедиции, в разные уголки Тянь-Шаня, фрунзенские геоботаники – И.В. Вандышева, А.Н. Гусарова, П.Т. Жудова, В.И. Сорокина, В.Л. Фомичова, М.Д. Здвижкова, А.И. Одинцова, А.Г. Черкасова, В.В. Танеева, Л.Н. Михайлова, И.Н. Соколова, А. М. Молдояров, Г.С. Сабардина, М.Д. Петрова и другие, среди них Л.И. Попова и В.И. Ткаченко. Чертились карты на разных материалах: на ватмане, картоне, кальке, на тканях или холстах, иногда очень тонких и прочных. В большинстве это были интересные работы, настоящие произведения искусства. В картах 1960-1970-х годов не было недостатка. Мы работали с огромными, легко рвущимися листами бумаги, они представляли собой целые простыни, и я с неохотой их развертывал. Найти на них что-либо было сложно. Мы находили объекты – нужную речку, гору, склон, по возможности выделяли контуры обозначенной растительности и сверяли с контурами новейшей космо-фотосъёмки. Каждый контур на листах космофотосъёмки должен был найти свой прототип па листах старых карт. Этот важный момент работы трудно было упростить, мы многократно контролировали себя, сверяясь с другими источниками… Уже хочется заныть – «…ну, убедились, Лидия Ивановна, начнем проставлять номера…», но мы ещё и ещё раз сверяем каждый контур с первоисточниками.

На картах последних лет я прочитывал имена знакомых мне геоботаников – М.Д. Петровой, Л.М. Фомичовой, Е.П. Ландышевой, Т.П. Тамбовцевой, Л. Печкиной… Составляемые ими карты 1980-1990-х годов изготовлялись в виде удобных красивых планшетов. С геоботаниками Киргизгипрозема мне доводилось выезжать в экспедиции и бывать с ними в маршрутах. Это было романтичное советское время нескончаемого ожидания перемен, когда человек чувствовал свою полезность обществу и был занят ответственным делом. Тогда наука была еще наукой, и все понимали, что она нужна обществу, и никто не осмеливался её унизить, например, лишить финансирования. Институты были полны сотрудников. Уходили одни, приходили другие. Покинув Сары-Челек, я оказался среди интересных людей, в круговороте новых важных дел, сразу же выехал с заданием в район реки Кыркара, на территорию сопредельную с Казахстаном. Там, неподалеку от нашего академического стационара –

четырёх вагончиков, пристроилась одинокая палатка Киргизгипрозема. Мы уступили своим соседям вагончик, а я присоединился к ним, по инициативе доктора А. С. Цеканова, который представил меня как солидного знатока растений и поручил мне помочь девушкам Тане и Ларисе в определении гербария и поработать с ними в маршрутах. В действительности же я научился от сотрудниц Киргизгипрозема больше, чем они от меня. Мы путешествовали на лошадях. Описали луковые, вероятно с луком косым *(Allium obliquum),* поймы, по реке Ири-Суу, в Кунгей-Алатоо; заросли караганы гривастой *(Caragana jubata),* которая свечами возвышалась над арчовыми стланиками, обрамленная ночным инеем сверкала в утреннем солнце; густые, из ивы алатавской *(Salix alatavica),* криволесья, по днищам крутых ущелий; типчаковые степи, флёмисовые и манжетковые луга в высокогорьях; еловые леса по склонам в живописных урочищах Джиргалан (впадает в Иссык-Куль), Тюп, Учкашка, Чен-Джаналач и Турук. Мы сделали десятки описаний, но это из другой книги.

Накопленные за камеральный период вопросы необходимо было разрешать на местах. Дальнейшая работа над геоботанической картой сопрягалась с экспедиционными выездами. Так были организованы поездки в Алайскую долину, в Ферганский хребет, в Кунгей Алатоо, на озеро Сонг-Куль, в уже упомянутую Кыркару, в отроги хребта Нарын-Тоо, в Чаткальский хребет. И вот мы сидим в кузове крытой машины, смотрим «телевизор». Это переднее окно в брезентовой стенке кузова. Когда от дорожной пыли и от высокогорных сквозняков задраены все отверстия, окна, задний полог плотно закрыт с наружи, переднее окно ярко светится. В его контуре мелькают склоны гор, скалы, поляны залитые солнцем, поля, дома, мосты…, взоры всех сидящих устремлены на этот светящийся квадрат…, а на экране в это время проплывают альпийские поляны Сусамырской долины – низкотравные ковровые лужайки. Я всматриваюсь в белые, невысокие цветы, мелькающие около дороги, но так и не узнал, что это – крупки, ясколки, что иное? Ими усыпаны террасы, протекающей рядом одноименной с долиной реки, местами гуще, реже, создаётся впечатление только что выпавшего снега. В отдалении видны кирпично-желтые аспекты троллиусов, здесь же лютиковые луговины и светло-желтые, характерные коврики хориспоры, сиреневые пятна хохлатки Ледебура. В километре на склоне – низкое подобие леса – заросли ив с участием березы. Мы выезжаем из Сусамырской долины, короткий подъём среди обширных снежников, покрывающих северный склон. Перевал Ала-Бель, 3184 м.

Чичкан начался густыми сочными эремурусниками, стланниковой туркестанской арчёй, тёмно-зелеными лепёшками растущей среди эремурусов. Почти сразу же арча стала высокоствольной, появились ельники. Арчевники и ельники, с густыми кустарниками, покрывали склоны. Среди кустарников преобладала афлатуния ильмолистная, встречались рябина, жимолость узкоцветковая, барбарис, спирея зверобоелистная, бересклет Семенова, княжик сибирский, абелия щитковидная. Арчевники, ельники и кустарники так и тянулись широкой полосой по крутым бортам ущелья. В районе слияния Чичкана с Кичи-Арымой остановились. Эмиль Джапарович распаковал свои эскизы и краски, удалился на берег Чичкана, а я пошел на склоны, в густые заросли афлатунии, за очередными описаниями. Вернулись к ужину…

Как много воды несет Чичкан – бурлящий белый поток метров 15 шириной, его не так-то просто перейти. Ложе устилают крупные окатанные валуны. Кое-где они ровными бортиками окантовывают берег. Часты островки со злаковым травостоем из вейников, ячменя короткоостистого, заросшие ивой. В пойме лесочки из тополя черного, березы, боярышника туркестанского, трех-четырех видов ив, несколыих видов шиповников.

По склону, среди кустарников, наблюдалось массовое цветение декоративного лука победного, или черемши *(Allium victorialis),* как правило с двумя широкими листочками у основания. Я не сразу узнал знакомую мне по Сибири черемшу. Здесь это растение было высокое – 0,7-0,9 метра – и стройное.

Мы проезжаем елово-арчевый Чичкан. Из-за суровых зим здесь нет фруктовых и ореховых деревьев, нет населенных пунктов, несмотря на то, что места прекрасные. Возможно, это опасное для поселений ущелье, из-за разливов Чичкана по низкой и узкой пойме, частых, непредсказуемых сходов снежных лавин, селевых потоков. Постепенно арча на склонах и на камнях стала редкой, тугаи вдоль поймы – узкими, появились ксерофильные подушечники, на склонах стала преобладать полынь обильная *(Artemisia prolixa)* – невысокий, ветвящийся, войлочноопушенный полукустарник – один из главных эдификаторов полупустынь в этой части Тянь-Шаня. Появились также однолетние костры[2], шток-роза *(Alcea nudiflora),* перовския *(Perovscia angustifolia)*. Последняя, как писал В.И. Липский, вообще характеризует пустынные, бесплодные места. За Токтогулом пошли сплошные полынники с эремурусами по песчано-глинистым обнажениям – чапам. Аспекты дальних склонов стали бурыми. Поселок Бала-Кичикан, мост, поселок Торкент, мост через реку Нарын. Днища ущелий, впадающих в Нарын, затянуты темно-зелеными, низенькими кустарниками, главным образом вишней тяныпаньской *(Cerasus tinschanica)*. Долина расширилась, появилось земледелие, справа и слева – чапы. За чапами, справа, высокая гряда Узунахматских гор, слева, вдалеке, заснеженный хребет Кёкирим-Тау. Чапы имеют вид горного отрога. На фоне ярко-желтого до белого песчаника – бурый, выгоревший налет растительности. Мы пересекаем эти холмы, но чапы по правую сторону продолжались, выдвинув вперед основания – лапы, они напоминали плотно прижавшихся Сфинксов. Это чаповое побережья Нарына. Река Кара-Суу – токтогульская. Видны по холмистой местности низкие, редко высокие кустарники и коренастые ферулы среди камней. При подъезде к Таш-Кумыру начинаются ячменные степи, из ячменя луковичного *(Hordeum bulbosum),* ими были покрыты окружающие Таш-Кумыр холмы, ниже они чередовались с пустынными формациями гипсофитов на пестроцветах[3]. Там, на обнажениях глин, изрезанного, пустынного ландшафта, где как в печке все раскалено, мы видим невысокие – 0,4–0,8 метра – причудливые растения, похожие на маленькие деревья. Это солянка горная[4], придающая антропогенному ландшафту экзотический вид. Проезжая эти места я вспомнил свою первую поездку в Таш-Кумыр, которую, впрочем, никогда не забывал. Здесь уже более 100 лет ведется добыча каменного угля, в количестве, покрывающем до 20-25 % потребностей Киргизии. Пласты расположены на разной глубине и имеют мощность 20-30 до 50 и более метров. Со временем пустоты начали проседать, а на поверхности земли стали образовываться провалы, трещины, ямы, сильно уродующие естественный природный ландшафт, превращая его в специфическую безжизненную пустыню. Последствия этих угольных разработок будут сказываться еще многие годы. По заданию Института, я был направлен сюда в командировку для обследования состояния растительности на этих антропогенных ландшафтах. Так состоялась моя самая неудачная поездка по Киргизии. Накануне мне снилась огромная зеленая гора, наверху присыпанная снегом и наш караван застрял в этих снегах на пути к каким-то озёрам… Несмотря на мои протесты, в командировку меня все же отправили. Из Аркита, куда я первым делом прибыл и откуда намеревался через несколько дней уехать в Таш-Кумыр, я совершил две блестящие по результативности экскурсии: на отрог Тау-Ока – вершину Ыйгыржал, и на отрог Ат-Джайлоо. И там и там я бывал раньше. Маршруты были неторопливы, насыщены интересными наблюдениями. Я собирал растения, уже не все подряд, много фотографировал. Между экскурсиями ноче-

[2] Здесь и в дальнейшем мы имеем в виду виды однолетних, невысоких, 0.1-0.2 м, злаков, усыхающих уже в начале лета: костер остроzубый *(Bromus oxyodon),* костер кровельный *(Anisantha tectorum)* и других, формирующих весной сочно-зеленые густые лужайки.

[3] Тоже что и чапы – обнажения соленосных глин, конгломератов, песчаников, мергелей, слагающих сильно расчлененные пустынные предгорья и низкие возвышенности Тянь-Шаня. Имеют разные, в том числе и яркие цветовые оттенки и нередко – причудливые формы.

[4] Многолетнее, с деревянистым стеблем травянистое растение пустынных высокогорий и среднегорий (сем. маревых).

вали на плотине, на водоразделе Ири-Кель – Сары-Камыш, 2005 метров, в киргизской юрте, выпили немало кумыса, много разговаривали, было интересно и весело. Мне не терпелось начать новый подъём на перевалы, я чувствовал себя полным знаний и сил. Затем последовал маршрут на Ат- Джайлоо, у основания этого отрога, у маленького озерца Бакалы, качали мед, и мы поели меда из сот с лепешками и чаем… Моим спутником все эти дни был молодой местный парень, работавший в Сары-Челеке лаборантом. Довольный тем, что все так благополучно происходит, я забыл про свой сон, предвещавший мне в лучшем случае трудности. Уже в поселке произошло еще одно приятное событие, меня встретил и позвал к себе в гости Артыкбай, мой бывший лаборант. Артыкбай наложил мне в сумку овощей и вареного мяса прямо со стола, который стоял накрытым может быть уже дня три… Тогда у меня оставалось еще несколько свободных дней, и я планировал потратить их на поиски редкого, нового для науки лука, названия которому еще не было придумано. Я находил этот лук неоднократно, по закустаренным бортам Ходжа-Аты, в интервале высот 1300-1500 м, и не подозревал в нём нового для науки вида. Не удивительно, что гербарных листов с ним оказалось мало, так как я отнёс его к угнетенным особям лука Барщевского. Просмотревшие мою коллекцию, в прошлом году, флористы из Ленинграда, попросили при возможности повторить сборы и взяли у меня единственные экземпляры. И вот такая возможность появилась. Вернувшись в свою комнату, я плотненько поел, предусмотрительно оставив половину подаренных Артыкбаем припасов на утро, продумывая при этом предстоящие приятные поиски на склонах, прямо напротив дома, в котором остановился, и лёг спать.

Ночью проснулся от плохого самочувствия и скверной ситуации в животе. Остатки мяса, которые я вчера не доел, покрылось слизью, и я все сразу понял. К утру состояние моё стало совсем плохим, я с трудом выполз на улицу с тщетной попыткой прочистить желудок. Меня нашли сотрудники, посадили в туристский автобус из Таш-Кумыра, в котором не было мест, и я лежал посреди автобуса в проходе, мешая всем. Туристы веселились, шумно разговаривали, пели, а рядом с моей головой стояла большая кастрюля с супом, который выплескивался на ухабах и поворотах. На полпути закончился бензин. Меня везли уже на попутном самосвале. Я так же валялся посреди железного кузова, потом, где-то, не доезжая Таш-Кумыра километров 8-10, в 50 метрах от реки Кара-Суу в пустынной местности, остановились, и уже в полной темноте дошли до крошечного селения из двух-трех построек, с загоном для скота, одиночными деревьями, просторной оградой. Уложили в постель, вызвали из Таш-Кумыра скорую, сказав для верности, что заболел крупный ученый из Бишкека. Скорая пришла быстро. Меня снабдили лекарствами, а так как кризис миновал, оставили в покое. Я не оказался бы здесь сам. Меня привез к себе, к своим родителям новый сотрудник из Сары-Челекского заповедника Куштарбек Шабдавнов. Я прожил у этих людей несколько дней, за мной ухаживали, отпаивали чаем, айраном, свежим молоком. Отдыхая под навесом, в постели, я размышлял о превратностях судьбы: какой-то незначительный эпизод – и моя телега, сбившись с пути, покатилась под откос… Я видел голубое небо, слышал шум протекающей рядом Кара-Суу – стремительной, прекрасной реки, негромкую речь киргизских женщин, хлопочущих у очага. Закрывал глаза и перед моим взором возникали грандиозные фантастические картины, виденные до мельчайших подробностей – огромный водопад, несущий бесконечные потоки воды, белые от пены и брызг, они падали с отвесных стен и казались застывшими из-за размеров зрелища. Панораму гор, каких-то не земных, более грандиозных и высоких. Галактику, распластанную перед моим взором миллиардами звезд. Галерею портретов, с какой-то анатомической подробностью, я видел каждую морщинку, каждую пору на их лицах. Портреты я не любил рассматривать, сразу же открывал глаза и с радостью видел голубое небо, залитые солнцем, выгоревшие, но земные горы. По мере выздоровления картины стали реже и наконец исчезли.

Волей-неволей, оказавшись в районе Таш-Кумырских шахт, где нужно было, по заданию, провести исследования, я сделал описания растительности техногенных ландшафтов. Куштарбек помог мне добраться до участков под Таш-Кумыром, где наиболее активно происходят эрозионные процессы. Он прекрасно знал старые и новые угольные шахты, их расположение. Потом мы с ним распрощались, он посадил меня в автобус, на котором я уже один доехал до Таш-Кумыра. Маленький шахтерский городок оказался многолюдным. Виднелись новые микрорайоны с многоэтажными домами. В центре уютные старые усадьбы, окруженные заборами, садами и огородами, за непроницаемым фасадом которых таилась неведомая жизнь. Дожидаясь рейсового автобуса, я несколько часов ходил по извилистым, горбатым улицам Таш-Кумыра. Мучила жажда. В киосках продавали какой-то хлебный напиток – что-то среднее между пивом и квасом, впрочем, очень приятным, с хлебным осадком на дне. Рискуя, я пил его кружку за кружкой, и сегодня совершенно уверен, что этот напиток помог мне справиться с последствиями отравления.

Однако вернемся к повествованию. Еще на подъезде к Таш-Кумыру мы обратили внимание на появление по склонам, примыкающим к днищам рек, ручьёв, небольших деревьев чаще – шарообразной формы. Предположили, что это арча, потом решили, что это фисташка. Совместно с ней произрастала стелющаяся по земле вишня тяныпаньская и редко – другие кустарники. В отдалении от Таш-Кумыра, по обе стороны от Нарына, фисташники поднимаются вверх до самых приподнятых частей. Это примерно 500 метров от уровня реки. В окрестностях Таш-Кумыра фисташки и кустарники на склонах редки или совсем отсутствуют. Перед Джанги-Джелом, ячменники сменились сообществами другого ксерофитного злака – бородача кровеостанавливающего *(Bothriochloa ischaemum)*. Следуя примеру некоторых авторов, будем называть его короче – обыкновенным, или просто бородачем. Итак, мы проезжаем район «афлатунских бородачевников». Такую географическую привязку дал им Е.П. Коровин, считая, что в бассейне реки Афлатун бородачевый массив самый крупный – реликтовый, остатки некогда более распространенных сообществ, господствовавших в третичное время. В окно видны покрытые им склоны, а мы проезжаем дальше, в Аркит.

Аркит – небольшое село, насчитывающее немногим более тысячи жителей, но имеющее в связи с тем, что здесь находится контора биосферного заповедника, большую известность, чем, например, крупные соседние селения – Кызыл-Туу Афлатун, Караван. Население Аркита пестрое, здесь есть европейцы, но значительно больше коренных аркитцев, из них большинство неработающие. С работой здесь сложно. Но народ не унывает, не бедствует, уважительно относится друг к другу, к русским. Пьянки, скандалы и ссоры здесь редки, драк не бывает. Вообще я сделал одно интересное наблюдение, может быть субъективное, что ошские киргизы гостеприимнее и приветливее северных, они рассудительнее и мудрее, они даже чем-то не похожи. Я не буду выясняснять чем. Поживший там и там – сразу поймет. Возможно, что ошские киргизы меньше затронуты урбанизацией и находятся в более естественном состоянии. Поселок Аркит не называют кишлаком. Это понятие уже становится устаревшим. О кишлаках мы привыкли думать как о небольших горных селениях, находящихся труднодоступных местах, без света и других признаков цивилизации. Аркит, Кызыл-Туу, Караван, Джанги-Джол – современные села с новыми кирпичными и старыми саманными постройками. Отдельными фрагментами улиц, их расположенностью глубоко в ущельях, среди скал и склонов, утопающих в зелени тополей, фруктовых деревьев, они напоминают прошлый век и конечно – кишлак. Но в домах светло, есть мебель – столы, стулья, кровати, шкафы вмещающие многочисленные постели. По традиции кушают на полу, расстилают скатерть, места хватает всем – это что-то от юрты. Дома окружены садами и огородами – влияние европейской культуры. В садах – яблони, сливы, вишни, иногда, сохранившиеся со старины, родовые орехи, как правило, хорошо плодоносящие. Киргизы недолюбливают земледелие, их огороды редко изобилуют овощами, но элементарные культуры они все же

выращивают – зелень, морковь, которые употребляют в огромном количестве с мясом. В последнее время условия жизни больше благоприятствуют оседлости, и киргизы чаще стали обращаться к земледелию. На джайлау – горные пастбища – выезжают не все, да и джайлау – это подняться в ближайшие высокогорья. Раньше кочевки были далеко и на все лето, теперь рядом. Общественные сады находятся в запустении – заповедный перегиб. Их никто не пополняет новыми сортами и молодыми деревьями, но они остаются огороженными и не зарастают дикими кустарниками, так как под ними косится сено. Такие сады сохранились по террасам в Нижнем Кичкиле, в Сары-Камыше и в некоторых боковых ущельях. Мы прожили в Арките пять лет, имели свой огород, свой сад и свой орех…

Первую новость, которую мы услышали в Арките, это то, что на горе Тооку, на телевизионной подстанции, погиб человек, его нашли в бочке с водой. Предполагали, что он занимался йогой, останавливал сердце и, растерявшись, не смог его снова включить. Потом замолчали об этом, новостью недели стала другая сенсация. Уехавший за сеном лесник Эгинберды пришел домой без коня и без сена. Оказывается, едва он воткнул вилы в стог, как выскочивший из-под него огромный кабан сломал лошади ногу, перекусил вилы, вероятно древко, а сам лесник едва отскочил, в сторону… Очередная сенсация не заставила себя долго ждать. Госинспектора по охоте В. Борзова лишили всех прав, отняли партбилет за превышение полномочий – где-то задержал начальство. В Караване был суд, и нас всех сотрудников в назидание, туда возили. Сенсацией стало и то, что в Томояк-Сае пришлось застрелить зубра, бросавшегося на людей… а народ уже обсуждал с некоторой иронией, привилегии не в первый раз приезжавшего из Ташкента Анатолия Савилова. Говорили что он друг директора, имеет большие связи и деньги достаёт пачками… У него собирались интересные люди, приезжавшие из разных городов страны и меня влекли их «застольные беседы», проходившие за большим столом, главным образом вечерами, или ночью, под музыку или даже под пение соловья весной. Говорили странные, удивительные вещи – об экстрасенсах, об НЛО, военной технике, обсуждались темы связанные с политикой, с чистками в эшелонах власти, и все это напоминало нам, что где-то бурлит жизнь, происходят судьбоносные события. Ощущалось смутное, не ясное предчувствие грядущих перемен…

Нас тоже не оставляли в одиночестве. Заходил в гости Валентин Михайлович Путинцев – незаменимый человек в заповеднике, правая рука директора. Без него не решалось ни одного вопроса, он писал все отчеты для Москвы, кроме научных, все бумаги и протоколы проходили через его руки. Он дежурил в конторе, когда все разбегались по домам и маршрутам, он первый просматривал почту – газеты, журналы, читал, потом давал нам. Заходила к нам Юлия Прокопьевна Малявина, пожилая женщина, наиболее яркая фигура из всего Аркита. Она знала киргизский язык, может быть даже лучше самих киргизов, знала их пословицы, поговорки, пела киргизские, русские, украинские песни, преподавала в школе, занималась огородничеством, пекла хлеб, угощала нас и хлебом и плодами своего огорода. Она первая почувствовала холодок нового времени… Заходила баба Маруся, снабжавшая нас яйцами и некоторыми продуктами. Она была очень набожной, одевалась плохо, грязно, выглядела нищенкой… Приходил медбрат Болот, он при необходимости делал уколы Александру и маленькому Антону. Необходимость эта возникала часто. Даже если Александр и называл его «плохой дядя», он был, я думаю, что и продолжает быть, безотказным и добрым человеком. Заходил Кенеш, пожилой немного грузный человек, высокой врожденной культуры, лаборант А. Прусакова, а заодно, заведующий складом научного инвентаря. Он сильно страдал от ежегодных сенокосов, куда его постоянно отправляли на месяц и даже больше… Заходил Авган, охотник и браконьер. Он нередко стучался ночью, приносил дичь, как правило, что-то от кабана. Взамен ничего не брал, он просто делился излишками. Иногда просил лошадь. Авган много раз выручал нас и лепешками и дичью. Приходил Жеден, казах, работавший главбухом. «И зачем вы покинули такой большой город Иркутск и приехали в эту

дыру?» – искренне говорил он, выслушав нашу историю. «Вы не знаете, что вас здесь ожидает». Он открыл нам «национальный вопрос», и мы впервые узнали, кто есть кто и почему это очень важно. «Как, вы не знаете кто здесь кто? Вы ничего не понимаете в жизни», и он стал нас просвещать. За примерами далеко не шел, он называл хорошо знакомые нам имена и комментировал: «Этот – бухарский еврей, он хитрый, себе на уме и держится около начальства». «А этот – еврей из Москвы. Он нашему бухарскому еврею не чета, тот его в два счета обставит. Но он здесь долго не просидит, его что-то вынудило из Москвы уехать. А этот – чистокровный узбек, он тут над киргизами голова, над казахами он, конечно, был бы никто. А вот эта семья – хохлы. Они похитрее русских и более зажиточные. Русских здесь богатых почти нет, а вот хохлы все зажиточные… Все национальности, чем дальше на юг, тем менее цивилизованные. В древности наоборот было. Самые цивилизованные казахи, затем узбеки идут, киргизы, потом уж туркмены, а самые дикие таджики, они в горах совсем одичали…» Он рассказывал интересное и поучительное, сидя на лавочке, под сиренью, потягивая чай, держа в обозрении контору и часть улицы. Рассказывал о своих командировках в Москву: «Я сразу к самому главному не иду, сначала обойду всех заместителей, узнаю как дела, что есть на складах, чего нету, договорюсь с ними, потом иду к главному, прошу, что нужно, он, конечно, вызывает заместителей, а я с ними уже договорился…». Жиден проработал недолго, через три года с огромным багажом нажитого он покинул Аркит, уехал в родной Казахстан.

В те первые месяцы нашего пребывания в Арките я приходил на работу в контору и добросовестно сидел целыми днями за столом, изучал литературу, гербарий, оставленный предшественниками, то ли Ю.С. Лыновым, то ли ещё Х.У Борлаковым, а точнее это были совершенно бесполезные остатки растений с перепутанными этикетками и ободранными цветами. Как-то, подняв голову, я увидел перед собой улыбающегося молодого человека, невысокого, плотного, с короткой черной бородкой и дружественно протянутую его ладонь. Через несколько минут, мы уже обсуждали, как подняться на видневшиеся в окно отвесные скалы, где, как он узнал, должно быть мумиё. Это был Игорь Додосян, ведавший в Сары-Челеке телевизионными делами. С этого времени он занял в нашей аркитской жизни особое место, внося в неё сумбур и веселье. Мы не карабкались с ним на упомянутые скалы, зато много раз встречались за праздничным застольем. Игорь объединил на этой основе почти всех сотрудников, погуляв в одном доме, мы шли в другой, потом в третий, не забывали приглашать и к себе. У него имелись хорошие записи концертов, он обладал великолепным чувством юмора, был блестящим рассказчиком. Впоследствии Игоря выжили из Аркита. Слишком теплое местечко он занимал. На смонтированный и полностью отлаженный им телетранслятор пришел другой человек. Следы Игоря потерялись. Я слышал, что он устроился наладчиком телетранслятора на горе Бозбу. Правда, через несколько лет он приезжал к нам в гости, в Бишкек.

Летом 1981 года рейсовый автобус выгрузил среди Аркита немногочисленных пассажиров. Один из них неторопливо поплелся в сторону конторы. Затем, через некоторое время, его одинокая, немного сгорбленная фигура, освещенная лучами вечернего солнца, стала неуклонно приближаться к моему дому, где я копался в саду. Пока приехавший приближался, я рассмотрел его. Одет он был в темный, немного помятый с дороги костюм, на ногах были надеты коричневые дешевые плетенки, а на непокрытой голове копна растрепанных, кучерявых волос. Он был похож на поэта, приехавшего отдохнуть в Подмосковье.

– Кандидат биологических наук, Павел Викторович Мельников, – представился приехавший. Я назвал свое скромное имя. Мы разговорились. Через некоторое время, опустошив трехлитровую банку молока, наш новый знакомый предложил мне сыграть партию в шахматы. Я проигрывал, а он, после каждого моего неудачного хода, приговаривал:

– Силён, силён, начальник.

Таким образом, наши отношения в первый же вечер стали дружественными. А еще через несколько дней я вел за собой в горы нового научного сотрудника, по крутому склону, в урочище Нижний Бакай-Сай, под полог орехового леса. Кряхтя и обливаясь потом, Павел тащился за мной, отдыхая через каждые три метра, наотрез отказываясь вернуться назад. Ему было очень тяжело. С тех пор наши маршруты с Павлом стали обычным делом. Павлу нужны были знания растений и местности, а мне нужен был напарник. Несколько эпизодов из наших путешествий описаны на страницах этой книги, добавлю только, их было значительно больше. Я видел, какое восхищение вызвали у Павла огромные красные антеридии[5] сарычелекской хары – водоросли, растущей по дну арыков и устилающей местами большие площади с проточной водой, сплошным харовым ковром. Водоросль, между прочим, прекрасно очищает и фильтрует воду арыков, в которых местные жители моют посуду, стираются, чистят зубы и которую просто пьют, зачерпнув кружкой, а арык течет дальше, к другим дворам, где происходит то же самое. Антеридиев на харах было так много, что в глаза бросался, если держать перед собой водоросль, какой-то необычный, красноватый, едва уловимый оттенок. Павел говорил, что они значительно крупнее тех, с которыми ему приходилось работать в прошлом, в одном из московских институтов, и в них было бы легче вставлять электроды. Размеры антеридиев достигали 1 миллиметра. Со временем наши совместные путешествия по заповеднику прекратились. Став начальником, Павел предпочитал оставаться в конторе, заниматься бумажными делами. Вскоре он вернулся в Москву. О том, что заставило его однажды уехать из столицы в Сары-Челек на два-три года, Павел не рассказывал. Он имел возможность вернуться в любой момент, и этим имел огромное преимущество, в частности перед нами, взорвавшими все мосты. Имуществом в Сары-Челеке он не обзавелся, как приехал, так и уехал, налегке.

Были и другие сотрудники – старожилы заповедника, зоологи Гриша Бабак и Анатолий Прусаков, проработавшие здесь уже по нескольку лет. Успешно работала орнитолог Ира Лебяжинская, из Самары, с которой я познакомился в первый день приезда, слоняясь от конторы к гостинице и обратно. Она занимала комнату в гостинице, на втором этаже и, разложив на столах и чемоданах свои книги, не теряя времени, приступила к научной работе. Она приехала в в Сары-Челек на день раньше меня. Самым последним из сотрудников, в 1982 году, в Сары-Челек приехал Анатолий Гвоздев, тоже из Самары, но без участия Иры. Еще студентом пятого курса он побывал здесь, был покорен красотой горных ландшафтов и вернулся через год. Он, конечно, не знал, что здесь бывает убийственная скука зимой. И ни к кому не пойдёшь, с тем в ссоре, этот надоел, у всех свои дела, свои заботы. Гвоздев проработал в заповеднике недолго, всего два года. В снежную зиму 1984 года он смастерил из деревянных брусков санки, прикрепил к ним большой, аккуратно сделанный ящик, сложил туда все свои пожитки и в ночь, наутро ушел пешком из Аркита. Вместе с Гвоздевым из Сары-Челека ушло еще что-то, весьма существенное.

Я явственно ощутил это утром следующего дня, когда, выйдя на улицу, увидел саночные следы, припорошенные свежим снегом. Мне стало необыкновенно тоскливо. С А. Гвоздевым мы почти не сотрудничали в нашем главном профессиональном деле – сборе и определении растений. Он работал сам по себе. Может быть, мы чувствовали друг в друге соперников, не знали, как разделить науку, чтобы наши пути не пересеклись на её бескрайних просторах. Казалось, в отношении ботаники между нами пробежал холодок, несмотря на то, что во всем остальном мы оставались друзьями. Чтобы не казаться эгоистом, добавлю, за месяц до его отъезда, я написал программу и предложил Анатолию совместно заняться научной работой по всем разделам, в том числе по инвентаризации флоры и по картографированию. На что он ответил, что уже твердо решил уехать, что не видит здесь никаких

[5] Орган размножения у водорослей и у некоторых других низших растений.

перспектив для роста… Как оказалось, он был прав. Близился развал СССР. В отдаленном горном заповеднике можно и полезно поработать, по молодости, лет пять, не больше. Вернемся в Таш-Кумыр.

Мы вернулись к «сухим степям» только через месяц, к концу августа, спустившись с высокогорий. Уже давно отошла весенняя волна эфемеров, отцвели и побурели многие травы. Нас интересовала верхняя полоса сухих степей, простирание по бородачевым и ячменным сообществам, составляющих ядро саванноидного типа растительности, деревьев, кустарников – таких как роза Эчиссона *(Rosa ecae),* вишня тяныпаньская *(Cerasus tinschanica),* фисташка настоящая *(Pistacia vera),* абелия щитковидная *(Abelia corymbosa),* орех грецкий *(Juglans regia),* абрикос *(Armeniaca vulgaris)* и других. Для маршрутов по южным отрогам Бозбу-Тау остановились в селе Караван, в гостинице. С этим большим селом, районным центром, связано немало событий. Караван расположен у границы Киргизии с густо заселенным Узбекистаном, с его пестрыми рынками, многолюдными городами, многокилометровыми селами, переходящими в города и снова в села, и не было им конца, везде люди, люди, люди…, под навесами в чайханах, на дорогах, в полях… С киргизской стороны многолюдности не видно. Караван – скучное село.

Тот, в первый раз увиденный, зимний Караван произвел противоречивое впечатление. Было не по-зимнему тепло. Фонари на улице светились сквозь хлопья обильного снега, который скрывал всю грязь… Нынешний, летний Караван был совсем другой – душный, грязный. От стен и заборов пахло мочой. Воды, ни в гостинице, ни на рынке, ни в колонках на улице – не было. Набирал я ее рано утром, затемно, когда десятки, а может сотни петухов начинали единовременно кричать своё интернациональное «кукареку», сливавшееся в единый, непрерывный петушиный хор, а один из них с надрывистым хрипом кричал совсем рядом…

Караван – село с несколькими сотнями дворов, где только в центре, формируя перекресток, стояли пять-шесть одно-двухэтажных кирпичных или панельных зданий – гостиница, три магазина, администрация, кинотеатр и огромная голова вождя революции, доставшаяся Каравану, надо полагать, не слишком дорого, из-за существенного дефекта – в трехметровой каменной глыбе, на самом видном месте, проявилась другая порода в виде черного пятна на щеке или повыше. Тем не менее, это был монументальный памятник, предназначавшийся, вероятно, для большого города. На перекрестке светились фонари на столбах, освещали площадь перед кинотеатром.

Она запомнилась. Мы ходили по единственному перекрестку Каравана и рассматривали достопримечательности целый день. Грели Сашку в магазинах, пока они были открыты. Несколько часов толкались на безобразной и грязной автостанции, где скопилось множество народу. А затем, в битком набитом автобусе, вслушиваясь в непонятную киргизскую речь – смех, возгласы, шутливые интонации мужчин, женщин с детьми, сидящих почти друг на друге, с мешками, сумками, какими-то покупками, вроде тазов или детских велосипедов, но совсем не унывающих, напротив – улыбающихся нам и друг другу приветливо и добродушно – тряслись часа три или четыре, пока не прибыли в Аркит, в заповедник. Было 29 февраля 1980 года.

До Каравана на нашем пути был Ош – город областной, уступающий по населению может быть только узбекским городам в Фергане – Намангану, Андижану, Коканду. Тем не менее, Ош равновелик этим городам и он значительно более знаменит, так как всегда был любим путешественниками. Здесь благодатный климат – не слишком жарко летом и не холодно зимой. В Оше была, а может есть и сейчас, крупнейшая база Академии наук, находилось несколько крупных автотранспортных предприятий, где можно было арендовать машины для поездок в горы, останавливались экспедиции перед решительным броском на Памир, базировались туристы, альпинисты и просто искатели приключений. Вчера остано-

вились в гостинице «Алай». Сегодня, отдохнув, вышли на улицы. В пестрой толпе прохожих, в равных пропорциях встречались киргизы, узбеки, европейцы и реже другие – уйгуры, таджики… Город с 250-тысячным населением, многонациональный – столица южной части Киргизии. У него многовековая история, связанная со знаменитыми именами, в том числе царственными. Пошли вдоль узкой улицы, на которой много магазинов.

Бросилась в глаза особенность восточных рынков – здесь всё выставляется на прилавок, под бороды и под рукава потенциальных покупателей. Сахар рассыпают по прилавку большой конусовидной горой, чтоб было видно, каков он. Так и другие сыпучие продукты – крупы, зерно, сухофрукты, сладости… Прямо отсюда их и продают. Я понимаю, можно рассыпать по прилавку моющийся продукт, но рассыпать сахар… Везде видны плоды садов и огородов, перечислять которые нет необходимости. Везде мы видим торговцев хлебом с большими корзинами, продающими лепешки, от серых, заменяющих здесь черный хлеб, до белых или янтарно-желтых. Они разложены румяными, ароматными стопками. Лепешки – главный хлеб в Средней Азии. Другие хлебные изделия здесь мало кто замечает. Без лепешек не обходится ни одна трапеза. Их ломают, окунают в мед, в сметану, как бы черпают ими эти деликатесы из общей миски, и они действительно становятся вкуснее, чем если бы были взяты ложкой. В этом нет ничего удивительного, и традиционный плов здесь берут руками из общей посуды, сложив пальцы ложечкой, и несут в рот, хорошо облизывают, но оставшиеся ризинки (как, такого слова нет в русском языке?) стряхивают обратно в чашку, это считается хорошим тоном, и снова берут плов. Кто брезгует – остается голодным и таких, как правило, нет. Русским могут дать ложки, но не отдельную миску. Таковы обычаи. Чай наливают понемногу, плеснут на три глотка, как только видят, что ты с ним расправился – сразу же подливают свежего, горячего, а ты чувствуешь заботу. Если налили и поставили перед тобой полную чашку, что-то тут не так, выпивай, уходи – или требуй объяснений.

Посудная лавка в Оше. Начало 20 в. Рисунок из книги «Ошская область, энциклопедия», Фрунзе, 1987 г.

С улицы магазинов завернули на рынок. Он старый, древний. Таким он был и 50 и 150 лет назад. В землю вкопаны толстые столбы из арчи метра три высотой. На них крепятся

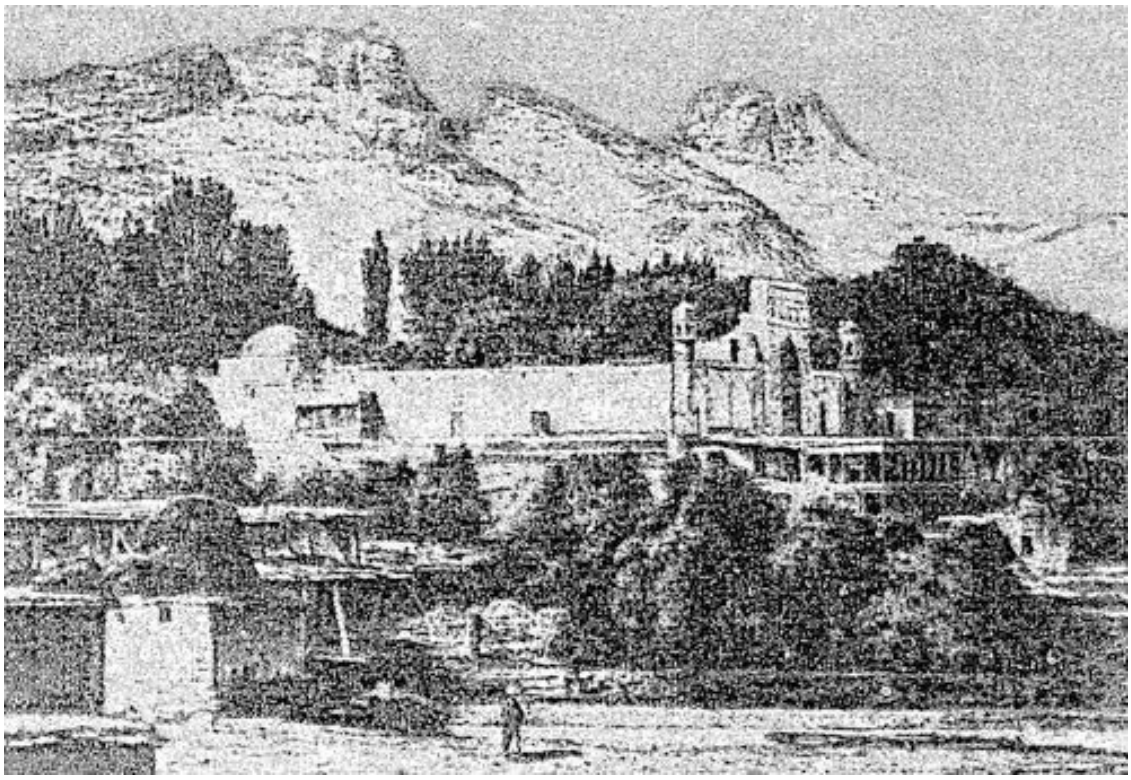
стены, держится крыша. Прилавки из досок до черноты отшлифованы бесчисленным количеством прикосновений. Торговцы приходят сюда как на праздник. Я вижу старого неторопливого узбека. Его движения точны, ловки. Полвека назад, молодым человеком, он приходил сюда, садился на эти доски. Удивительно, рынок не многолюден, мало того – он пуст. В какой-то миг мне показалось, что мы здесь одни. Кругом пустые прилавки. Почему? Мы пришли слишком поздно? Так и есть. К обеду рынок пустеет, так как все значительные товарно-денежные операции происходят рано утром. Но это не относится к узбекским рынкам, которые даже вечером полны народа. Тем не менее, и здесь торгуют узбеки. Киргизы редко выступают в качестве продавцов, да и узбеки оптом скупают у них мясомолочную продукцию, если таковая есть, и держат монополию торговли в своих руках. Я был удивлен немноголюдностью ошского рынка с которым, как пишут путешественники, «не может сравниться даже знаменитый ферганский… Здесь можно съесть жирный кашгарский лагман или сочный шашлык из гиссарского барашка, запить еду алайским кумысом, побрить голову без мыла у узбекского цирюльника, купить маргеланский нож и памирские джурабы, послушать наманганских зурначей, сторговать за полтину ведро местных помидоров, а при желании – узнать судьбу у гадальщика уйгура, ловко кидающего кости. Ош это город-базар…» Словом, все удовольствия (О. Е. Агаханянц, 1987, не преувеличивает).

Просмотрев рынок, мы вышли к побережью Ак-Буры. Полноводная в прошлом речка почти пересыхает. Даже зимой в ней очень мало воды, которая, не достигая Оша, поступает в водохранилища. Летом она вся изымается на орошение. Мы видим голые валуны по её широкому днищу и маленький ручеёк по центру. Многочисленные чайханы, столовые, ресторанчики повисли над Ак-Бурой специфически решив проблему канализации. Все сбрасывается в Ак-Буру, в том числе и мусор. Походив по городу, я один решил подняться на Сулейман-Гору – его главную достопримечательность, с древних времен названную так по имени царя Соломона. У подошвы горы был мавзолей с гробницей Соломона, который, по туземному преданию, был основателем города. Есть и другая версия. До 16-го века эта гора носила название Бара-Кух (Красивая Гора). После того, как у её подножия был похоронен мусульманский пророк – Сулейман-Шейх, она стала называться Сулейман-Горой. Что касается названия самого города, то возможно, оно имеет связь с восклицаниями погонщиков скота, когда они погоняют его, то кричат: «ош!», «ош!» Так и возник Ош – ровесник Рима, на месте стоянок погонщиков скота, у подножия Красивой Горы.

Гора является частью Оша, она начинается прямо от улиц города, которые заканчиваются уткнувшись в неё. Это четырёхглавая скала, возвышающаяся над окружающей местностью на 160 метров, абсолютная высота её 1167 метров над уровнем моря. Поверхность её сильно выветрена, обмыта и сглажена. Растительность стравлена скотом. Среди скал встречаются причудливые пещеры и вымоины.

Сулейман-Гора – одна из святынь ислама. На одной из её вершин стоял миниатюрный белый домик знаменитого Бабура. Я двинулся по тропинке, обошел небольшое мусульманское кладбище слева, вышел к скалистому выступу у правой седловины и сел передохнуть. В пыльном мареве раскинулся перед мной Ош. Каменные здания еще значительно уступают, по занимаемой площади маленьким домикам, утопающим в зелени. Широких, больших улиц немного. Словно все звуки города достигают моего уха. Здесь шум машин, лай собак, крики петухов, какие-то непонятные звуки и общий гул… Ярко светит солнце, пригревая мне бок, летают мошки или мухи, зеленеет трава, а ведь февраль. Седловина горы вплоть до дороги (до улиц), засажена деревьями, еще не выросшими до средней величины. Сейчас они стоят без листвы и просматриваются насквозь. Интересны скальные выступы, в нескольких местах венчающие гору. Они отвесны, усеяны пещерами, нишами, трещинами, уступами. Я осматриваю одну из пещер к которой вывела широкая древняя тропинка – моя первая тропинка в Средней Азии. Пройдя внутрь, я увидел, что у пещеры в верху несколько

отверстий и сама пещера круглая, будто находишься внутри огромного черепа. Существуют разные предания… Однако вернемся в Караван.



Город Ош, вид на Сулейман-Гору. Рисунок из книги «Ошская область, энциклопедия», Фрунзе, 1987 г.

Мы вышли за село, за Караванную гору, как мне сказали – Унгар или Унгур[6], углубились в предгорья начинающихся здесь отрогов хребта Бозбу-Тау, с выходами камней, щебнистыми поверхностями склонов и с желтыми аспектами травостоев. Что касается названия горы, то вероятно, здесь существует путаница. Это еще не Унгар. Даже если кто-то показал на эту гору, сказал Унгар – он мог не знать. Караванная гора – небольшой, конической формы холм при въезде в село Караван. Это предгорья Бозбу-Тау. Унгар, или Десять Пещер, находятся прямо напротив Зоркента, по эту сторону реки Паша-Аты, представляя собой западную часть Бозбу-Таусских гор, отрезанную межгорной долиной. Вход на Унгар удобнее сзади, со стороны перевала Бит-Муйнак. Я рассматривал этот мрачноватый кряж, верхняя отметка которого близка или превышает 2 тысячи метров, с крутыми бортами и пологой вершиной. Он величественно возвышается над межгорными долинами, окружающими его со всех сторон. Растительность стравлена скотом, деревьев не видно, в складках рельефа обильны кустарники. На этом бы и закончилось моё описание горы Унгар – части Бозбу-Таусских гор, которым посвящена эта глава, но вот я открыл тетрадь записей рекогносцировочных облетов на вертолете, сделанных прошлым летом. Тогда, в 1985 году, мы, совместно с сотрудниками ташкентского Госцентра «Природа», несколько недель летали над Киргизией на самолете Ан-2 и на вертолете Ми-8, высматривали в иллюминаторы, открытую дверь и через кабину пилотов – лесные, кустарниковые и даже травяные, если можно дешифрировать, массивы в глубине ущелий. Мы дрожали от холода на ветру алайских высокогорий, а через час парились в 40-градусной жаре, посадив машину где-то в степях Ферганской

[6] Унгур – щель в скалах, глубокая трещина, провал, пещера.

долины. Летели над высокогорьями, над 6-тысячными вершинами высочайшего Алайского хребта. Развернулись на ущелье Сох, туман застилал перевал. Снова вышли на Кара-Суу (алайскую), летим над отрогами, какими-то демоническими нагромождениями скал, снегов, безжизненных трещин. Все сложено из льда, камня, лишь значительно ниже, в зарождающихся долинах видны красновато-бурые пятна вегетации. Куда? Где? Дрожа от холода, я перестал писать, засунув руки в карманы… И другой эпизод. Мы летим на Ми-8. Ближе к хвостовой части просторного салона находится прикрепленная к полу большая емкость с горючим. Она была почти полная, и горючее просачивалось, через неисправный кран внизу емкости, растекалось по полу. Там поставили пиалу и горючее капало в неё. Наш начальник ворчал, видя в этом реальную опасность пожара, пилоты покуривали, открыв дверь, подставив к проёму табуретку, а наши храбрые женщины – Людмила Ефимовна Маркова и Галина Григорьевна Малыхина – не на шутку развеселились. Грустное и смешное рядом. Я отвернулся к иллюминатору и больше не поворачивался, чтобы не видеть этого безобразия. Вот что я записал, пролетая Унгар-Тюте: «…то же самое можно сказать и о кряже, прикрывающим район Наная от Ферганы. В начале июня северные пологие его склоны имеют зеленовато-бурый аспект полынников. Южные экспозиции бурые, точечно-зеленые, это эфемеретум, с куртинами вишни тяныпаньской. Верхняя часть кряжа разряжено-закустарена, с редкими деревьями абрикоса или боярышника. Примыкающая к долинам часть предгорий с кошарами, дорогами и поселками, имеет характерный аспект бородачевой формации. В другой конечности, со стороны Ферганы, в нижней части этого горного сооружения видны густые лесные насаждения – несомненно, посадки…»

Горы Бозбу-Тау не являются продолжением соседних гор Узунахмат или Чаткальских. Это небольшие останцовые горы, отрезанные от названных хребтов широкими межгорными долинами и глубокими ущельями. Они протянулись параллельно Чаткальскому хребту, по южной окраине Тянь-Шаня. Один из киргизских авторов, Т. Касымбеков, писал, что народ называет Бозбу горой-матерью. Издали она напоминает юрту: «Гора Бозбу высится одиноко, не соприкасаясь ни с одной из близлежащих гор. Летом на вершине её нет снега, гора всегда как будто одета легкой дымкой и в любое время года увидишь над ней небольшое облачко. Уплывет одно – появится другое. Благодатным, животворным дождём, поливают эти облака земли прекрасной Ферганы… На самой вершине горы, есть озеро – как тюндюк на юрте. Называют его Тулпара…». Вокруг озера в старину стояли киргизские юрты и паслись отары овец. Это древний антиклинальный кряж. Слово «боз» не имеет в тюркских наречиях однозначного перевода. Все они близки, в каком-то смысле и означают что-то однородное – серый, голый, безлесный, степь или даже залежная земля, а также мгла в воздухе, в жаркий день. Удивительно, как они в точности характеризуют эти горы, дополняя друг друга. Если рассмотреть карту района, можно увидеть, что Бозбу-Тау прикрывают угол, образуемый Чаткальским и Ферганским хребтами. В литературе встречается мнение, что они прикрывают район озера Сары-Челек от «горячего дыхания Ферганы». Эти горы, с другой стороны, как бы противостоят десятку рек, текущих со склонов Чаткальского и Ат-Ойнокского хребтов. С первого взгляда на карту мне стала понятной легенда, рассказанная однажды лаборантом Артыкбаем о ссоре так называемых Тоскаула с Бозбо-Атой: «Пришли в эти места Святые – Тоскаул-Ата – самый старший их них и племянники – Ходжа-Ата, Поджа-Ата и Аулие-Ата – искаженное сейчас (русско-киргизское) – Афлатун. Все они были первые киргизские поселенцы и новые жители этих мест. Как-то, Тоскаул, разместившийся там, где ныне находится озеро Сары-Челек – отсюда и старое название озера – Тоскаул, поспорил с Бозбо-Атой, что одолеет его. Бозбо-Ата ответил, что устоит. Тоскаул открыл реку, она бурным потоком устремилась в сторону Бозбо-Аты… Неизвестно, чем бы все это закончилось, но встревоженные и испуганные люди стали просить Тоскаул-Ату закрыть поток, запереть его. Тот послушался, пожалел людей. Так образовалась плотина и озеро Сары-Челек». Благополучно существуют

горы Бозбу-Тау и десяток горных речек, некоторые из них носят имена названных героев, огибая эти горы, сливаются в реку Кара-Суу, текут дальше вниз, и где-то в районе Таш-Кумыра впадают в Нарын. Мы видели эти места, где Кара-Суу бурным потоком и тщетным натиском проносится вдоль мощных стен, стоящих на её пути, не причиняя им ни какого вреда. Эти стены заставили свернуть в сторону не только Кара-Суу, но и сам Нарын отвернул от них, изменив юго-западное направление, на южное. На плотине озера Сары-Челек, у протоки, сохранившей сейчас название Тоскаул, есть захоронение – высокий холм, почитаемое у окрестных жителей, как могила Святого. В этой легенде о странном поведении Святых, кто-то услышит отголоски реальных событий, о новых поселенцах – киргизских племенах, впервые пришедших на эти земли несколько веков назад в шлейфе монгольских завоевателей, в общем потоке тюркского движения на Запад. Кто знает, возможно, они были свидетелями образования озера Сары-Челек в результате землетрясения и обвала.

В литературных источниках есть сведения, что какие-то племена называемые «киргизами», обитали здесь в 15-м веке и даже в более глубокой древности, в 4-м веке, здесь обитало племя, называемое китайцами «бо-лу», которое тоже считали киргизами. Во второй половине 17-го века, киргизы, их основное ядро, мигрировали от вершин Енисея на южную окраину Тянь-Шаня. Эту дату, следовало бы, считать временем поселения киргизов по Тянь-Шаню, но все продолжают искать более ранние свидетельства их здесь появления. Так или иначе, киргизы заняли места у подножия этих гор. Здесь имелись многочисленные, хорошие пастбища и обитало много диких зверей.

Земля была покрыта высокими горами и густыми лесами. Трудно поверить, что такие прекрасные земли были свободными от заселения и, вероятно, кыргыз (так они себя называют) просто пропустили в более суровые и скудные высокогорья, где они обитали до прихода русских. Занимались скотоводством, и даже черной работой – углежжением для Ферганы. Угля, для обогрева домов состоятельных граждан Ферганы требовалось много. Нельзя отрицать неизбежный факт, что все мы – узбеки, киргизы, русские – пришельцы на этой земле, и далеко не первые. Коренной статус здесь расплывчат и надуман. Вытеснялись одни народы, приходили другие, или искали убежище по Тянь-Шаню. Тянь-Шань был «прибойной полосой» не только для растений, но и для разных племен. До 5-4-го в. до н. э., по Тянь-Шаню обитали саки-тиграхауда – восточно-иранские племена, близкие так же к скифам Причерноморья. Позднее здесь обитало гуннское племя усуней, а во второй половине 6-го века, на обширных пространствах от Манчжурии до Черного моря сформировался Тюркский каганат, рухнувший в 8-9-м веках, под ударами китайцев с одной стороны и арабов с другой. В 1207 г. киргизы добровольно приняли власть монголов, что способствовало их продвижению на запад. В 14-м веке, кочевые племена Тянь-Шаня вошли в состав государства Тимура. Даже в 15-ми 16-м столетиях киргизы еще не заселяли Тянь-Шань, хотя, возможно, навещали его. Они кочевали в Семиречье и в Восточном Туркестане. В середине 18-го столетия буруты (киргизы) смешались с айратами (сарт-калмыками). Смешение киргизов с другими племенами в прошлом, имело немаловажное значение для выживания и тех и других.

Нередко смешивались разгромленные кем-то народы – малочисленные, разоренные… Признаки разных племен стали характерными чертами киргизов, они пропечатались на общем этническом холсте столь же явственно и обильно, как букеты цветов на фоне тянь-шаньских скал. Они живут в горах в разных ущельях. Мы видели голубоглазых кыргыз, светлых и совершенно белых – белыми были и родители и дети, что не давало возможности предположить, что это седина, или – черных как смоль, русых, а также рыжих, широкоглазых или полностью монголоидных, но все они киргизы и говорят на одном языке. От самих киргизов я слышал, что настоящие они, имеют голубые глаза и рыжие волосы. Окончательно поселились киргизы по Тянь-Шаню в 16-17-м веках, но леса и пастбища Тянь-Шаня, на которых они жили, до советских времен не принадлежали им в полной мере. Хозя-

евами здесь были не они. Со своим скотом приходили узбеки, переваливали даже через Чаткальский хребет. Привычка кочевать в крови у киргизов, часто они оставляли хорошие пастбища, удивляя путешествующего европейца и кочевали за сотни миль, на дурные. Зачем это им было нужно? Может быть, они считались гостями на тянь-шаньской земле? И да, и нет, это тайна киргизов. Вернемся к маршруту.

Со стороны Каравана отроги гор Бозбу-Тау покрыты ландшафтными сообществами бородача. В самой нижней части склонов, около 1400 м, бородачевники ассоциируются с полынниками из полыни ферганской *(Artemisia ferganensis)*. Это хорошо видно по Караванной горе, по которой травостои смешанные, эфемерово-полынные, с участием бородача. В прошлом году гору окружили решеткой, и теперь мы видим, что её склоны, всего за один сезон, сплошь покрылись густой щетиной однолетнего злака эгилопса трехдюймового *(Aegilops triuncialis)*. Колышимые легким ветерком, заросли злаков переливались контрастирующими цветовыми тонами: тёмно-зелеными, светло-зелеными и буро-коричневыми. Они напоминали гривы играющих зверей. Я не подозревал, что эгилопсы[7] могут формировать такие густые, экзотические травостои. На высоте 1580 м над уровнем моря, это примерно 180–200 метров над Караваном, по склонам, помимо бородачевых сообществ, появились бурые заросли невзрачной и низкой караганы алайской *(Caragana alaica),* более зеленые и густые заросли роз – Эчиссона и кокандской *(Rosa ecae, R. kokanica)*. Среди участков занятых розой кокандской, формирующей, подобно постриженным газонам – 1-2-метровой высоты, однородные, густые плантации, встречались одиночные – зверобоелистная спирея *(Spiraea hypericifolia)* и роза Федченко *(R. fedtschenkoana)*. Травостой в глубине зарослей значительно отличался от окружающих открытых участков, главным образом содоминированием с бородачем осоки туркестанской *(Carex trurkestanica)*. Кроме доминантов встречались – рисовидка кокандская *(Piptatherum kokanicum),* пырей пушистый *(Elytrigia trichophora),* тонконог тонкий *(Koeleria cristata),* тимофеевка степная *(Phleumphleoides),* костёр острозубый[8], овсяница бороздчатая *(Festuca sulcata),* лептунис волосовидный *(Leptunis trichodes),* душица мелкоцветковая *(Origanum tyttanthum),* змееголовник цельнолистный *(Dracocephalum integrifolium),* кузиния Краузе *(Cousinia krauseana),* липучка мелкоплодная *(Lappula microcarpa),* вьюнок ложнокатабрийский *(Convolvulus pseudocantabrica),* цмин самаркандский *(Helichrysum maracandicum),* крупина обыкновенная *(Crupina vulgaris),* льнянка Попова *(Linaria popovii),* шток-роза голоцветковая *(Alcea nudiflora)*.

Очень часто в травостое под кустарниками преобладала осока туркестанская, формируя густые, почти однородные заросли. Эта осока – естественная спутница арчи зеравшанской *(Juniperus seravschanika),* не случайно проникла под полог кустарников. На открытых участках, в сообществах бородача, её практически нет. В прошлом, до начала хозяйственной деятельности, светлохвойные арчевые леса покрывали склоны от предгорий до высокогорий – от 600 до 3000 м над ур. м. С вырубкой арчевников и с выпасом под ними скота, произошли коренные изменения в составах травостоев. В ряде мест усилил свое господство бородач – сухожаровыносливый, устойчивый к выпасу, злак, покрывающий склоны предгорий и среднегорий. Выше его, в интервале от 1600 до 3050 м, приобрел ландшафтное значение столь же устойчивый к выпасу – прангос кормовой *(Prangos pabularia)*. Соответственно, вместе с арчой, утратили былое значение осока туркестанская и другие её спутники. Коренные местообитания сохранились только в редких защищенных точках, в крошечных «рефугиумах», вроде плосковершинных скал. Заросли кустарников возникшие на месте уничто-

[7] Однолетние, невысокие, 0,2-0,5 м, злаки, по систематическому положению близкие к пшенице.

[8] Латынь называемых растений, в каждой главе, используется при первом упоминании. В дальнейшем латинские названия упускаются.

женной коренной растительности – также результат длительного и неумеренного выпаса скота.

Когда рост и развитие поедаемых растений угнетены, не поедаемые – сорные, колючие виды, в том числе и кустарники – чувствуют себя в такой обстановке более уверенно. В этой, в целом негативной ситуации, появление сорняков, кустарников, колючих и ядовитых трав на истощенной почве следует считать благом. Как правило, обращая внимание только на следствие, мы традиционно сваливаем всю вину на сорняки, считая их первопричиной зла, и часто борьбу на пастбищах и сенокосах ведем именно с ними, не осознавая, что не будь их, здесь не было бы и другой растительности. В критических ситуациях в природе начинают действовать механизмы самосохранения.

Несмотря на явную и очевидную защитную роль кустарников, традиционное отношение к ним всегда было крайне негативным. Складывается впечатление, что кустарники вытесняют ценные виды. Так, например, в одном из старых отчетов по обследованию пастбищ, на юге Киргизии, я прочитал «…ни один из кустарников почти не поедается скотом, но, покрывая большие площади, они сильно ограничивают выпас. Жесточайшим злом пастбищ являются сообщества роз. Эти кустарники образуют колючие заросли, вытесняющие ценные в кормовом отношении травы, почти исключая возможность сенокошения и сильно затрудняя выпас».

С рефугиумами можно сравнить эти заросли кустарников, в глубине которых сразу же начинаются восстановительные процессы. Под их защитой проходят полный цикл развития уцелевшие злаки, появляются осоки, бобовые и ценное, в кормовом отношении, разнотравье.

Кустарники предпочитают поселяться в складках рельефа: по теневым участкам склонов, по северным бортам отщелков, распадков, лощин. Повернутые на юг поверхности занимают сообщества бородача, среди которых так же встречаются кустарники. Это вишня тяныпаньская, рыхлые подушечки её достигают высоты 0,25-0,35 м, ненамного выше, до 0,5 м, вырастает здесь спирея зверобоелистная, встречается также эфедра хвощевая *(Ephedra equisetina),* небольшие деревца, до 1,5 метра, с черным, конвульсионно изогнутым, толстоватым стволом, 4-6 сантиметра в диаметре, миндаля колючейшего *(Amygdalus spinosissima)*. Кустарники обычны среди этих склонов. Я вижу, борта соседних отщелков, на 30-35 % заняты кустарниками, и за ними склоны тоже подернуты их бурой вуалью.

Защитная роль кустарников для многих ценных кормовых растений была очевидной и бросалась в глаза, она подтвердилась нашими исследованиями. На 100 квадратных метров поверхности склонов мы насчитывали среди кустарников 28-30 видов растений, одновременно, на смежных открытых участках, не более 10-12, причем – плохо поедаемых. Мы убедились в том, что кустарники никого не вытесняют. Напротив, это убежище для обездоленных растений. Спасение от ненасытной овцы. Это, конечно же, не открытие, а только дополнительный аргумент в пользу понимания того, что природа выставляет нам свои заслоны. Она встревожена и обеспокоена. Преодолевать её огородительные рубежи, то есть – уничтожать кустарники – мы настоятельно не рекомендуем. Все должно быть умеренным, и нагрузка на пастбища и рост населения.

Поднявшись еще метров на 200, на высоте около 1650 метров, мы, наконец, пересекли линию водораздела и оказались на обширном склоне, юго-восточной экспозиции, сухого, жаркого, глубокого, но безымянного для нас ущелья и увидели, очень сомкнутый полог бородача. Во все стороны – яркий, светло-желтый, пшеничный аспект, испещренный скальными поясами почти черного цвета. На них ютились корявые экземпляры вишни. Мы прошли приличное расстояние, пока спустились на дно этого ущелья, насчитав на всем протяжении не более двух десятков видов в незначительном обилии, при подавляющем господстве бородача. Это были – ферганская полынь, колючие сложноцветные кузиния *(Cousinia)* и

остроконечный сафлор *(Carthamnus oxyacanthus),* тимьян сомнительный *(Thymus incertus),* перовския узколистная, бурачек туркестанский *(Alyssum turkestanicum).* Местами, на зацелованных солнцем склонах, виднелись разряженные заросли миндаля колючейшего. Первое, что хотелось сказать моим уставшим и взмокшим от полуденного зноя спутникам, это спросить:

– Ну, чем не саванна? Мы идем по настоящей саванне.

Особенно поражали воображение, сходством с саванной, пейзажи с миндалем колючейшим. Такая же изнуряющая жара, такая же пыльная и сухая земля, как много здесь желтой краски, все залито желтым цветом. На блестящем желтом фоне раздельно стоят причудливо ветвистые, чернеющие стволы, уже названного миндаля. Его было немногим больше, на выходах камней, опоясывающих желтые бородачевники, блестящими черными лентами. Они очень хорошо сочетались, эти два цвета и все казалось блестящим на ярком солнце. В этот день мы пришли в гостиницу обессиленные, едва передвигая ногами.

* * *

Прожив в Караване несколько дней, выполнив намеченную работу, мы выехали в Джанги-Джол, обогнув Бозбу-Тау на 180 градусов. Высадившись среди поселка, и узнав, что здесь нет гостиницы, решили поставить палатку поближе к реке, так как опыт жизни в обезвоженном Караване, где не всегда можно было найти воду даже для того, чтобы помыть руки, не прошел бесследно. Выйдя на берег Кара-Суу, мы увидели купающихся детей в её быстрых прохладных и чистых струях. Но что такое? Берега реки украшены многочисленными нечистотами. Здесь негде было поставить палатку. Последнее обстоятельство всегда огорчает. Такая вот есть в этом поселке традиция – откладываться на берегу. Нам осталось только переправиться на другой берег. Мы перешли Кара-Суу вброд, перенесли вещи. Это была удачная и редкая на Кара-Суу переправа. Поток воды достигал до груди, был быстр и сбивал с ног, разворачивал. Дно устилали окатанные, скользкие валуны, которые река время от времени, переворачивала, и был слышен доносящийся из глубины гул. Я держал ребят на вытянутых руках, и они как поплавки, с визгом и смехом барахтались в воде, не касаясь дна. Мне было не до смеха. Это рискованное мероприятие закончилось благополучно. Кара-Суу – не такая уж безобидная река. Труднее перейти её в другое время года, даже осенью, когда воды поменьше, она небезопасна. Так, например, в «Записках пристава», в 1899 году, в которых неизвестный автор[9] (нам остаётся только назвать его – Пристав), описывает путь из Намангана в Кетмень-Тюбе, мы находим сведения об этой реке и об этих местах: «При спуске с перевала Бит-Муйнак открывается чудесный вид на долины рек Кара-Суу и Ходжа-Ата, последнюю приходится переходить в брод, неглубокий и не опасный. После, обогнув отрог горы, Вы пойдете по правому берегу реки Кара-Суу…» И далее: «Река Кара-Суу несет массу воды, которая вследствие быстрого течения мутная, почему река и получила свое название. Кара-Суу впадает в Нарын. Бродов через Кара-Суу мало, да и не везде есть и в известное время года. Надо заметить, что долина реки Кара-Суу лежит ниже рек Афлатуна Итокара и Падша-Аты, а потому климат здесь мягче и теплее, так что ниже, по течению реки Ману-Балды, пробовали сеять хлопок, который дает один сбор. Почвы замечательные, богатые, орошение в изобилии, в виду чего, почти вся долина покрыта посевами пшеницы, ячменя, кукурузы, клевера и других. Переправившись на ту сторону, дорога идет вверх, по реке Кара-Суу, по левому берегу. Вправо ущелья Узум-Джат и Кесарь, по которому дорога пойдет по хребту гор на перевал Кумбель…» В Записках говорится об узбекском Зоркенте:

[9] Один из первых исследователей территории, вероятно, по долгу службы приставом, имел отношение к некоторым экспедициям. Оставил интересную рукопись, хранящуюся в Редком фонде библиотеки АН в Бишкеке.

Дорога пойдет на Чаткал, через селение Аркыт и в Кетмень-Тюбе, через Успеновку, а так же в Кассан и Чует. Таким образом, Зоркент стоит в узле всех главных дорог. Село Успеновка, основано в 1897 г., заселено крестьянами Коневского уезда, Киевской губернии. Насчитывает 78 дворов. Скота и оборудования у поселенцев достаточно. Есть между ними зажиточные – Фома Бреус[10], Григорий Негрош, Яков Ращенко (имел мельницу), Ким Бибик (торговал незаконно водкой), Мефодий Линский** (этот тоже, где-то, не чист на руку). Повсеместно приводятся ботанические сведения, так, после описания реки Кара-Суу: «Немного дальше Вы поворачиваете вправо, в долину реки Турдук и через несколько верст приедете на остановку Туз-Янгек – чудная ореховая роща. Здесь, под сенью деревьев, у чистой прозрачной воды ручейка приготовлены уже юрты и Вы, после верховой езды, можете отдохнуть и освежиться, для чего советую взять полотенце и мыло, спуститься вниз, к самому Турдуку… с шумом несущему прозрачную, холодную воду… На противоположной стороне вливается каскадами в Турдук, речка Арык-Таш, куда можете переправиться через дважды перекинутые через Турдук громадные бревна, изображающие мост. Все это вместе с окружающими исполинскими орехами и елями составляют чудную горную картину…» И далее: «Поездка по Турдуку, в смысле красоты, не оставляет желать ничего лучшего. А виды действительно восхитительные. Громадные ели перемешивались с березой, орехом и другими деревьями, на светло-зеленом фоне богатых травостоев и высоких посевов. Внизу виден пенящийся и отливающий синевой Турдук, с перекинутыми через него мостами. Вдали, сверкают на солнце, снежными вершинами горы. Все это представляет чудесную картину…». Пристав написал еще много удивительных страниц своего путеводителя, который может увести нас по прекрасным местам в тучные пастбища и сенокосы долины Кетмень-Тюбе, ныне, большей частью, затопленные. Кто еще посещал эти места? До революции здесь путешествовал В.И. Липский, исследовавший также Ферганский хребет и другие горные сооружения Средней Азии. В 1926 году в район озера Сары-Челек была направлена экспедиция Главного Среднеазиатского музея, во главе с его директором, энтомологом, В.И. Янковским. Он изучал горы Северо-Восточной Ферганы еще в дореволюционное время. Жил тогда в Намангане, служил податным инспектором Наманганского уезда, имел возможность путешествовать с отрядом солдат, собирать налоги, везде и всюду, в полной безопасности. Об этом поведал мне письмом из Ташкента в 1987 году ученик В.И. Янковского, В.Э. Крейнцберг, рассказавший, что, начиная с 1932 года, он неоднократно бывал в Сары-Челеке и в смежных ущельях от Паша-Аты до Турдука и Узун-Ахмата. В.И. Янковский распределил сборы между систематиками Москвы, Питера, Киева и других городов, да и сам описал из этого района ряд новых форм жуков. После смерти В.И. Янковского не только не были возвращены розданные им материалы, но и нахлынула лавина энтомологов поработать в научной фондовой коллекции. Вернувшись в Ташкент – В.Э. Крейтцберг пишет, что работал тогда в Кушке – он сразу же догадался, как они «почтили память» великого труженика. В фонде было много ценного, в том числе типовые экземпляры около полусотни новых видов. Все исчезло, и сейчас всплывают иногда в разных коллекциях, в том числе и частных, осколки материалов из сборов В.И. Янковского… Результаты исследований экспедиции были опубликованы в 1927 году в книге участника, зоолога, Д.Н. Кашкарова, под названием «Озеро Сары-Челек». Д.Н. Кашкаровым были сделаны описания растительных сообществ, названы десятки растений. Проезжая Кара-Суу и Ходжа-Ату, он писал: «скалы исчезают, склоны становятся мягкими, зелеными, древесных пород становится всё больше и больше. Деревья образуют настоящий лес. Особенно поражает масса ореха. Мягкими, ярко-зелеными волнами поднимаются заросли по склонам, ползут по ущельям, взбираются на водоразделы. Бросаются в

[10] Эти фамилии я неоднократно слышал в Сары-Челеке, Кызыл-Туу, Афлатуне. Например, в разговорах часто встречалась фамилия Бреус, еще чаще фамилия потомка Мефодия Линского, ставшего в 1980-е годы секретарем райкома.

глаза пихты, ели, словно свечи, поднимаются там и тут из орехового моря…». Тот, кто держал в руках книгу Д.Н. Кашкарова, обратил внимание, что цифра 1 на её титульном листе, подразумевает существование, по крайней мере, второго тома. Второй том, однако, не был подготовлен.

…Три недели нашей работы в окрестностях Джанги-Джола простояли солнечные. Место для палатки выбрали удачно. Расположились на чистом участке побережья, с тенистыми зарослями ив, тополей, где лежало много принесенных рекой палок, и у нас не было проблемы с дровами для приготовления пищи. Мы были ограждены от праздного любопытства мальчишек, купающихся по всему противоположному побережью и бросающих в нас камни, которые, правда, не долетали.

Район работы – горы Бозбу-Тау, находились с нашей стороны и не было необходимости каждый раз переходить реку.

Напротив нас, через Кара-Суу, располагался совхозный сад и за три недели, с разрешения сторожа, мы принесли три рюкзака отличных спелых яблок сорта «кандиль синапа», продолговато-цилиндрической формы, которые, по «совету» философа Джона Локка ели с хлебом. Это была замечательная еда, особенно при отсутствии сахара. На склонах созревала фисташка. Мы имели возможность купаться и загорать на берегу прозрачной и теплой в это время года, стремительной и прекрасной реки.

Поселок Джанги-Джол расположен метров на 500 ниже Каравана. Сразу же почувствовалась разница в климате разных высот над уровнем моря – 1400 м (Караван) от 900-800 м (Джанги-Джол). Эта полукилометровая разность выражалась в прибавке 10-12 градусов ночного тепла и 6-8-дневной жары. Для второй половины сентября это существенно. Совершенно прав Пристав, заметивший, что климат по Кара-Суу, мягче и теплее. Замечателен и джанги-джольский рельеф. Это рельеф переходный от низкогорий к среднегорьям, рельеф «суглинистых холмов», о которых писали СИ. Коржинский в 1899-м году и Д.П. Кашкаров в 1927-м, он называл их «рассеченными увалами в области лёссового покрова». Да и Пристав тоже упоминает о лёссе, говоря, что перевал Бит-Муйнак «легкий, с лёссовой почвой». Геоморфологи назвали эту местность Джанги-Джольским межгорным понижением.

Есть неподалёку и Афлатун-Аркитское понижение, это – Сары-Челек. Здесь воочию можно убедиться, какое большое значение имеет лёссовый покров для ландшафта низкогорий. Мы видим, что Джанги-Джол расположен в котловине, которую прорыла Кара-Суу в течение миллионов лет. Местность заполнена округлыми плосковершинными холмами, которые были когда-то террасами, с крутыми склонами, переходящими в горы. Это с нашей стороны. С противоположной стороны – там, где находится Джанги-Джол, склоны пологие и мягкие. Они плавно поднимаются вверх и на высоте около 3000 м заканчиваются тупыми вершинами. Разница в рельефе объясняется еще и тем, что по реке Кара-Суу проходит разлом между горными системами. Геологи назвали этот разлом «важнейшей, структурной линией Тянь-Шаня». Сейчас, почему-то, не называют, да и что-то сильно позабыли нынешние ученые своих предшественников, работавших в 30-е годы. Может быть, предшественникам не удалось открыть ничего нового? Не буду глубоко внедряться в область не своих наук – геологии, географии и геоморфологии, тем более что разные карты по-разному называют одни и те же горные сооружения. Скажем только, что «мягкие горы» со стороны Джанги-Джола – это горы Суук – отроги Ат-Ойнокского хребта. За ними расположены более высокие вершины и система реки Узуннахмат.

В лёссовом слое и ниже, в неогеновых конгломератах, река Кара-Суу прорыла довольно глубокий каньон. Обогнув скалистый выступ гор Бозбу-Тау, Кара-Суу выходит из тенистого ущелья и устремляется к Нарыну. Это стремительная река на всем своем протяжении. Все увиденные холмы, заполняющие местность насколько хватает зрения, покрыты желтыми аспектами злаковников, главным злаком которых, несомненно, является бородач.

Мы убедились в этом сразу же, после первых маршрутов по местности. Сообщества бородача переходят со склона на склон, с экспозиции на экспозицию. По некоторым своим особенностям – видовому составу, структурному строению и даже по внешнему облику, они существенно отличаются от бородачевников окрестностей Каравана и района озера Сары-Челек. Но это единый массив. Мы отнесли эти различия не только за счет разностей абсолютных высот и географических местоположений, а также и за счет хорошо сохранившегося здесь ботанического ландшафта. Эти бородачевники, вероятно, по причине произрастания по ним фисташковых насаждений, являются заповедными и в период вегетации не стравливаются скотом. Здесь часты предельно сомкнутые сообщества бородача с густой высокой листвой, отливающей медно-зелеными тонами. В ряде случаев, при смене экспозиций на северные, бородач делит свою власть с другими злаками, которые не встречаются ни в Сары-Челеке, ни в районе села Караван, но никогда не уступает им первенства. Полог бородача бывает более разряженным на крутых щебнистых участках чисто южных экспозиций, где увеличивается удельный вес генеративных стеблей, а листва становится более низкой и редкой.

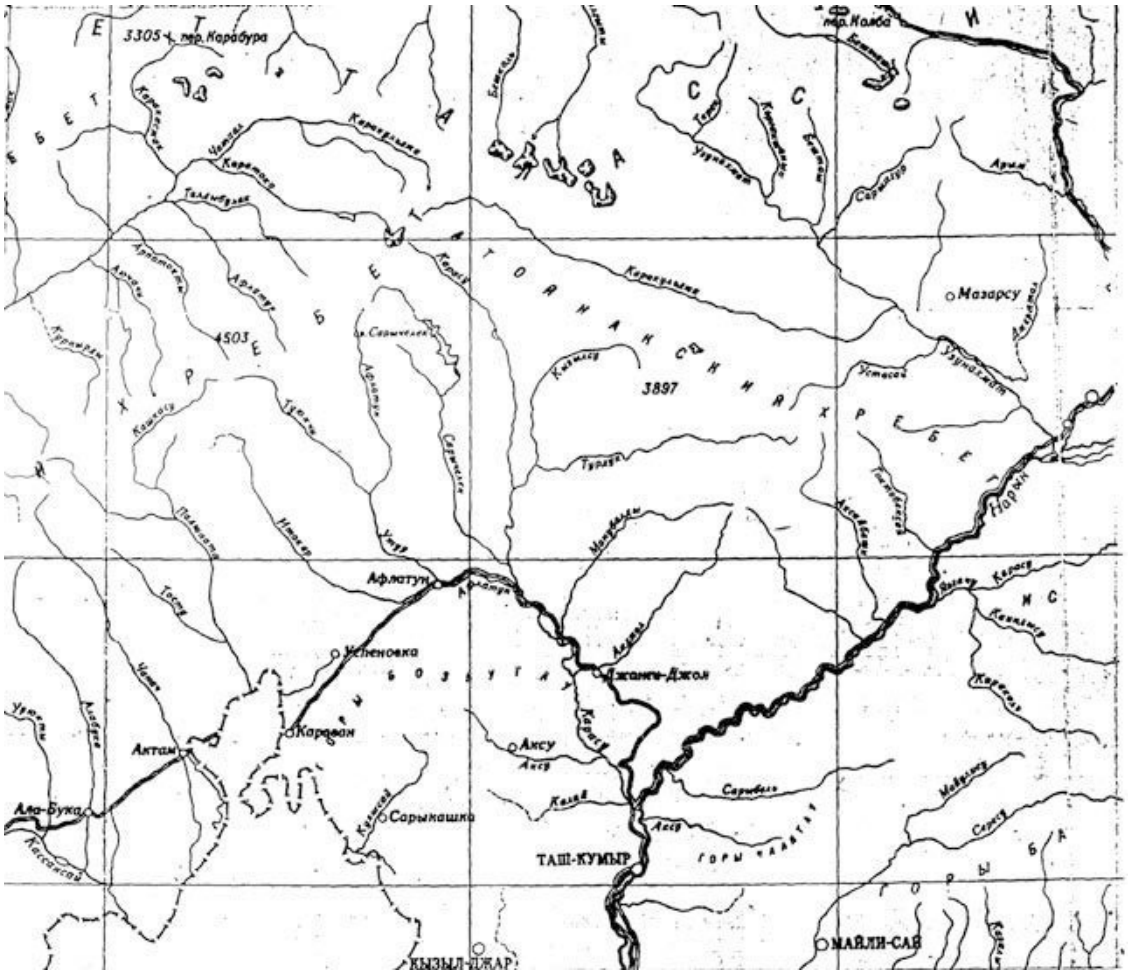
Мы осуществили несколько маршрутов в горы Бозбу-Тау. Прошли по склонам юго-восточных экспозиций ущелья Кой-Таш, так назвали ущелье местные жители, а по топооснове – Учкурт, в устье которого, около обширной пашни, в излучине Кара-Суу, стояла наша палатка. Ручей по ущелью небольшой, он исчезал, не достигая своего устья километра за два. От основания склона, с высоты 850-900 м, начинаются высокие, густые, однородные заросли бородача, в которых разнотравье и другие злаки играли роль незначительной примеси. Такого подавляющего господства этого злака я раньше не встречал. В глаза бросался факт его необыкновенного благополучия на этой местности. Вероятно именно такие бородачевники имел в виду Е.П. Коровин, говоря об их «предельной сомкнутости». Третий – очень густой, сомкнутый ярус травостоя был образован сплетением медно-зеленых листьев, достигающих невероятной для листьев бородача высоты – 35-45 см. Второй ярус, относительно рыхлый, высотой 0,8-0,9 м, формировали генеративные побеги доминанта. На общем подёрнутом осенним аспектом фоне выделялись по обилию еще зеленые в это время года, генеративные стебли тростника южного *(Phragmites australis)*. Его высокие, до 2 м. стволики, посаженные на расстоянии 1-2 м друг от друга, участвовали в формировании разряженного верхнего яруса. С этим видом тростника возникали вопросы. Казалось парадоксальным, что тростник способен произрастать на сухих жарких склонах. Но это действительно так. Кроме тростника, зелеными встречались ещё два вида – гобелия лисохвостная *(Vexibia alopecuroides)* и люцерна пырейниковая *(Medicago agropyretorum)*. Все остальные виды, более редкие по обилию, были желтыми. Они затерялись в листве бородача. Из них: костер острозубый, тимофеевка метельчатая *(Phleum paniculatum),* лентоостник шероховатый *(Taeniatherum asperum),* полынь плотная *(Artemisia compactd),* зверобой продырявленный *(Hypericum perforatum),* додарция восточная *(Dodartia orientalis),* эремурус загорелый *(Eremurus fuscus),* железница горная *(Sidiritis montana),* лептунис волосовидный, скабиоза мелкоцветковая *(Scabiosa micrantha),* скерда красивая *(Crepis pulchra),* кельпиния линейная *(Koelpinia linearus),* оставлявшая впившиеся в мои носки семена, которые после каждого маршрута мне приходилось извлекать из них в большом количестве.

…Моё знакомство с сухими разнотравными степями началось несколько лет назад, еще во время работы в Сары-Челекском заповеднике. Я имел тогда смутное представление об этих сообществах, едва заходящих в Сары-Челек по террасам Ходжа-Аты, по примыкающим к ним склонам и охотно согласился поработать на сенокосе, в районе Сазык-Сая. Правда, согласия моего для этого не требовалось. Сазык-Сай – традиционное место работы аркитских жителей, когда районное начальство давало план на сено. В то же время в Сары-Челек приезжали работать – косить сено – люди из Кызыл-Туу. Получалось – они к нам, а мы к ним.

Они у нас в древесной тени и прохладе среднегорий косили заповедные луга Кок-Колота и Сары-Камыша, отдыхали под сенью орехов, бросая банки и пустые бутылки подальше в кусты. А наши лаборанты и лесники трудились под знойным небом чаткальских предгорий, и некоторые из них приезжали с сенокосов с подорванным здоровьем. Ослушаться районное начальство не мог и Оскон Тургунбаев, в то время директор биосферного заповедника, подчиняющийся напрямую Москве. По партийной линии директор всецело был во власти района, тем более в такой отрасли народного хозяйства, как заготовка кормов. Нас – сотрудников – щадили, но на два-три дня мы все же выезжали в Сазык-Сай. Прожить там месяц, а то и два, как они, я бы не смог. Сазык-Сай – обширная пересеченная местность с незначительными, по тяныпаньским масштабам, перепадами высот, в среднем, где-то от 1360 до 1480 м над уровнем моря, расположенная в 20 км южнее Аркита, в 3-4 км юго-восточнее Кызыл-Туу, в верховьях небольших, иссыхающих ручьёв – притоков Афлатуна, среди источников, болот, сухих и «сазоватых» склонов. Название Сазык-Сай подразумевает болотистую особенность местности, ведь «саз» по-тюркски болото.

…За поселком Кызыл-Туу автобус свернул в узкий, глубокий и короткий отщелок с глинистыми обрывами. После затяжного подъёма, надрывистого гудения и головокружительного крена он свернул на широкий водораздел Ходжа-Аты – Афлатуна, проходящий здесь, на высоте около 1500 м, затем стремительно, почти беззвучно, мягко подпрыгивая и напоследок одарив нас радостными переживаниями внезапно возникших ощущений невесомости, скатился на пологую низину, украшенную густыми тёмно-синими клумбами узколистной перовский, блестяще-желтыми газонами таволголистного тысячелистника *(Achillea filipendulina),* едва заметно цветущими, дымчато-зелеными плантациями василька цепкого *(Centaurea squarrosa).* После нескольких виражей мы остановились в широкой кочковатой лощине.

Если рассматривать карту, можно заметить, что обширная местность пересекается добрым десятком похожих друг на друга широких лощин, над которыми возвышались разной крутизны холмы в виде вершин и седловин, вытянутых вдоль этих лощин водоразделов. И растительность состояла из трех основных разностей, четко отражая три главные особенности рельефа. Северные экспозиции холмов и пологие днища лощин покрыты лугами из ежи сборной *(Dactylis glomerata).* Среди ежи – зверобой, штокроза, тысячелистник *(Achillea millefolium),* щавель Паульсена *(Rumex paulsenianus),* виды регнерий *(Elymus),* полевица гигантская *(Agrostis gigantea),* мятлик боровой *(Poa nemoralis).* Здесь масса зонтичных, в том числе изящная и странно пахнущая, с желтыми цветами галагания ферганская *(Galagania ferganensis),* белые, словно ситцевые зонтики многочисленной скалигерии – ныне, благодаря трудам Евгения Клюйкова, элеостикта алайская *(Elaeostica alaica).* По краю ежевых зарослей – овсюг *(Avena trichophylla),* лентоостник шероховатый, горчак розовый *(Acroptilon repens)* – местами плотными пятнами. Южные экспозиции, вершины холмов и крутые участки покрыты бородачевыми сообществами. В числе видов здесь тонколистная осока *(Carex stenophylloides),* мятлик луковичный, перовския, вьюнок ложнокатабрийский, лук мотор *(Allium motor),* мелкоцветковая душица, люцерна пырейниковая, цмин самаркандский *(Helichrysum maracandicum),* последнего – лекарственного среднеазиатского бессмертника – было много. Ярко-желтые его головки расцвечивали не очень пышную зелень. У подножия холмов формировались резкие границы ежевых и бородачевых сообществ. Они тянулись изолиниями, вдоль изгибов ландшафта, четко разграничивали две названные разности и лишний раз почешешь затылок, размышляя над этой вечной категорией – границей. Её придумали не люди. На отдельных участках лощин, реже по сазоватым склонам, небольшими островками виднелись невысокие густые заросли, состоящие из нескольких видов ив, шиповников, барбариса, экзохорды и облепихи.



Бассейн реки Кара-Суу. Горы Бозбу-Тау. Ат-Ойнокский хребет.

Косили, главным образом, ежевые луга и почти не трогали бородачевники, может быть, вследствие того, что бородач формирует здесь плотный низкий ярус из листьев, высотой всего 8-12 см. Эти листья почти не срезались косилкой, а срезанные генеративные 35-40-сантиметровые стебли были редки, легки, тонки и, несмотря на распущенные шелковистые кисточки будущих соплодий, не давали желаемого урожая. Сена из бородача было мало, и его не трогали. Наличие кошар и высокая засоренность бородачевников свидетельствовали о том, что они служили зимне-осенними пастбищами. Мы видим местами изобилие колючих, железистых и пушистых трав, таких как астрагал Сиверса *(Astragalus sieversianus),* сафлор остроконечный, кузиния Краузе, низенькие шиповники, а так же ядовитый, как мне сказали, вид горчака *(Acroptilon repens)* – растения из семейства сложноцветных, от которого страдает скот. Все они, во многом, – пастбищные сорняки и не встречаются в таком обилии ни в Сары-Челеке, ни в Джанги-Джоле.

Высокие, до 80-120 см, толстые, облиственные, тяжеловесные стебли ежи, формировали густой травостой по лощинам, по пологим северным экспозициям, и по увлажненным участкам южных. Срезанные, они очень быстро подсыхали. Достаточно два-три часа, чтобы сено превратилось в сухую, ломающуюся массу, и начинало терять свои полезные качества.

…Работали рано поутру. Солнце не заставляло себя ждать. Оно появлялось на горизонте красным, раскалённым шаром, быстро поднималось выше, на небосклон, становилось невыносимо жарко и душно… Колючее, ломкое, непахнущее среднеазиатское сено… Кто работал с ним, вряд ли еще раз захочет это повторить. Мы сгребаем его в валки, из валков складываем копны. Я поднимаю навильник за навильником, несу метров 30-40. Пот обли-

вает лоб, растекается по бровям, по щекам, заливает глаза, орошает шею, спину. Частицы листьев, стеблей, семян и растительная пыль шлейфом летят над землей, прилипают к шее, к животу, попадают за ворот, раздражают кожу. Зудят ноги, зудят, горят грудь, шея…, я исцарапал всё до крови, которая вместе с потом и растительной грязью струйками стекает вниз, но, не в силах сдержаться, продолжаю царапаться, едва сдерживая только прилагаемое усилие, чтобы не вонзить ногти ещё глубже под кожу.

Часам к одиннадцати работу заканчиваем, возвращаемся к стойбищу. Я увидел две длинные каменные кошары, очень приличные снаружи. Внутри они были усыпаны бараньим пометом, который никогда не убирался, и находиться в них было невозможно, из-за резкого характерного запаха от этих куч. Кроме того, здесь же было устроено отхожее место и для людей. Между кошарами – домик. Рядом с домиком образовалось голое пространство, если не считать небольшого огородика и палатки. Огородик был только намерением, в нем ничего не росло. В палатке были тесно разложены постели. Возле домика, на солнце – небольшая скамейка, несколько табуреток. На земле две доски, заменяющие стол. Все садились, или ложились по-восточному, кругом, у этого стола, на который вскоре ставили большую чашу или тазик с традиционным кушаньем. Наиболее частым кушаньем киргизов была «ятола». Это смесь варёного риса или вермишели с простоквашей, айраном – еда, к которой я в полной мере так и не смог привыкнуть. Ели молча, брали эту густоватую массу ложками и с хлебом отправляли в рот. Иногда подшучивали друг над другом, шутили и над нами, что-то рассказывали, смеялись. Разговоры шли по-киргизски, временами переходили на русский, но и в первом случае мы получали необходимое разъяснение. Вот так выглядели простые, уставшие киргизы, от которых я никогда не услышал обидного слова…

В домике, вдоль стен на полу и в палатке, разложены матрасы. На них ложился любой, кто желал. Я видел отдыхающих здесь людей, голые пятки которых щекотали многочисленные мухи. Промасленный, на чернеющей подставке стоял облепленный мухами сепаратор. Перегоняли молоко, вылавливая упавших туда мух черпачком и выплескивали вместе с молоком в окно. Заглянул в дверь и увидел посреди комнаты несколько булок хлеба, неприкрытых, облепленных теми же мухами. Не веселое, даже гнетущее впечатление, создавало место нашего отдыха и ночлега. Я быстро уставал, из-за того, что негде посидеть или полежать[11]. Везде нечистая, оплеванная, облитая пищей земля. Клубилась пыль на вытоптанной овцами, пересохшей почве. Ни деревца. Нещадно печет солнце, от которого негде укрыться – и мухи, мухи, упорно липли к лицу. Высмотрев, вдалеке, одиночный, растущий на водоразделе абрикос, мы направлялись к нему. Вершина холма обеспечивала ветерком, крона дерева прикрывала от солнца, Под абрикосом масса спелых, упавших плодов, а в ветвях – более кислых, зеленоватых…

Вернёмся в Бозбу-Тау. Если мы пройдем по сухой степи, значительное многокилометровое расстояние, побываем в разных местах крупнейшего в Средней Азии бородачевого массива, нам бросится в глаза характерная его особенность: в четкий отлаженный сезонный ритм сообщества вносится разногласица, в то же время чрезвычайно гармонирующая с общим ходом этого ритма. Последняя часть противоречивой фразы отражает, конечно, личное впечатление. Почти все перечисленные виды, в том числе и сам эдификатор, с середины августа стоят бурыми или желтыми. На этом желтом фоне выделяются сочно-зеленые ассектаторы[12] местных бородачевых сообществ – тростник южный, гобелия лисохвостная,

[11] Следует заметить, справедливости ради, что жизнь без элементарных удобств – следствие повсеместной бесхозяйственности и отсутствия элементарной культуры, что у нас, в оправдание, любят называть неприхотливостью. Неприхотливость и нищета – разные понятия. Если установить лавки, навесы – они будут тут же разворованы или просто поломаны случайным «прохожим».

[12] Ассектаторы – геоботанический термин, обозначающий характерные, постоянно встречающиеся в пределах данного сообщества, виды растений.

люцерна пырейниковая. На отдельных участках к ним подмешивается узкоэндемичное растение – жабрица одностебельная *(Seseli unicaule)*[13], достигающая более 2 м высоты. Во время нашей работы в Джанги-Джоле, она находилась в фазе бутонизации и массового цветения. В ряде мест её обилие становилось настолько значительным, что над густым желтым покровом бородача формировался зеленый ярус из тростника и жабрицы, в то же время он не закрывал нижние ярусы, был прозрачен и декоративен. В Сары-Челеке её заменяет другой вид – жабрица исполинская *(S. giganteum)* – раскидистое высокое зонтичное, имеющее не менее экзотический облик и призванное участвовать в формировании верхнего яруса, минимально затеняя нижний. Розетки листьев у неё 10-12 см высотой, плотные. Раскидистые, тонкие, прутьевидные, но прочные ветви безлистные, на концах – небольшие, до 1-2 см, зонтики, как бы висят в свободном пространстве, над сомкнутым пологом бородача. Мы видели по бородачевникам, в ряде мест и по склонам, примыкающим к дорогам, по камням, осыпям, галечникам, в интервале высот от 1100 до 1300 м, целые заросли этой почти фантастической жабрицы. В некотором отношении её можно считать первопроходцем новых, не заселенных другими растениями территорий. Мы видели широкую осыпь от новой дороги, полностью ею заросшую. Розетки листьев были сомкнутые, всего 10-12 см высотой, а рыхлый верхний ярус (до 1,5-2 м), был сформирован из её светло-зеленых, тонких раскидистых ветвей. Как и жабрица одностебельная, жабрица исполинская зацветает очень поздно, а созревших семян иной раз, невозможно дождаться до снега. Там же встречается ассектатор Сары-Челекских бородачевников, очень декоративный астрагал Краузовского *(Astragalus krauseanus)* также до глубокой осени сохраняющий зеленую раскраску листьев, вегетирующий в зимнее время и даже нередко вторично зацветающий в сентябре-октябре. Какую роль выполняют эти растения в сухих степях? Кто они? Почему их фенологический ритм сдвинут к осени, не совпадает с основной массой растений, среди которых они встречаются практически везде? По бородачевому травостою на высоте 1020 м мы вышли на каменистые участки. Они видны повсеместно и как бы опоясывали склоны в горизонтальном протяжении. Это выходы коренных пород, торчащие из лёссового слоя. Среди камней – кустарники, до 0,2-0,4 м высотой, принадлежащие вишне тянышанской и спирее зверобоелистной. При полном преобладании бородача, в травостое выделялись обилием лентоостник шероховатый, костер остроzубый, тимофеевка метельчатая, полевичка малая *(Eragrostis minor),* полынь обильная, жабник пирамидальный *(Filago pyramidata),* полынь ферганская, хруплявник многолетний *(Pofycnemum pegenne),* песчанка тимьянолистная *(Arenaria leptoclados),* зверобой шероховатый *(Hypericum scabrum),* бурачек пушистоплодный *(Alyssum dasycarpum).*

Пошли выше по водораздельной линии, расположенной между двумя лощинами, выходя на северные и южные экспозиции этих лощин, представляющих собой некоторый контраст. Северные – покрыты кустарниками экзохордой, кизильником. Южные – фисташковыми редколесьями. Экзохордники занимали исключительно северные склоны. Здесь, в нижней полосе своего высотного диапазона, они совершенно не выдерживают не то что южных, но и восточных и западных экспозиций. Они начинают встречаться на высоте около 900 м, где травостой под ними формирует бородач обыкновенный. На высоте 1300 м, под защитой кустарников, полог бородача разряжен. Кроме его отмечены – мятлик узколистный *(Poa angustifolium),* ежа сборная, осока туркестанская, прангос кормовой *(Prangos pabularia),* девясил большой *(Inula grandis),* скабиоза джунгарская *(Scabiosa songarica),* цмин самаркандский. В это время года кустарники стоят практически без листвы. Не только экзохорда, которая начинает терять листву еще к середине августа, но и жимолость узкоцвет-

[13] С этими жабрицами, а так же с ферулами связано развитие гусениц некоторых видов редких бабочек. В горах Бозбу-Тау встречается жабрица синеголовниковая – узкоэндемичная и декоративная, растущая среди скал, растение из семейства зонтичных.

ковая *(Lonicera stenantha)* и кизильник крупноплодный *(Cotoneaster megalocarpus),* стоят в это время голыми. Выделяются красочные гроздья крупных ягод кизильника. Его здесь много. Этот декоративный кустарник отмечался в научной литературе для района озера Сары-Челек, собирался многими исследователями, неоднократно, начиная с конца девятнадцатого столетия, в разные годы. Тем не менее, во флористических списках заповедника он не значился. Я тоже не находил его в пределах заповедника. Вероятно, крупноплодный кизильник – теплолюбивый кустарник, не идет высоко в среднегорья. Область его простирания ограничивается низкогорьями с лёссовым покровом. Не идет в среднегорья, в полосу орехово-плодовых лесов и доминантная спирея зверобоелистная. Если она и встречается в пределах кустарниковых зарослей Сары-Челека, то редко, по нижним частям склонов контактируя с поймами рек и днищами ручьёв, поднимаясь, таким образом, до высокогорий – 2100-2400 м. Выше, по склонам этот вид замещает другой доминант – спирея пушистоплодная *(Spiraea lasiocarpa),* поднимаясь до высоты 3000 м.

Интересны закономерности распределения видов розы *(Rosa fedtschenkoana, R. kokanica).* В полосе экзохордников розарии играют весьма скромную роль, так как повсеместно вытесняются экзохордой. Вследствие этого очень редки розарии с экзохордой. Выше ландшафтных экзохордников, от 2000 м, розарии вновь появляются по склонам в большом обилии, как и ниже – до 900-1000 м. Они появляются в тех местах, где экзохорда истреблена.

Медленно поднимаемся по склону. На востоке, за Джанги-Джолом, всходило солнце, едва появившись за сглаженными вершинами гор Суук. Сквозь не опавшую за ночь кокандскую дымку, оно висело над горизонтом огромным оранжевым шаром, на который пока еще, можно было спокойно смотреть. По южным экспозициям, на высоте 1350 м, продолжались начавшиеся от основания склона фисташковые редколесья. Это были таволгово-вишнёвые фисташники. Прошли на типичный участок, где в травостое господствовал, достигая высоты 0,5 м, бородач. В значительном обилии встречались анизанта кровельная, костёр острозубый, тимофеевка метельчатая, рисовидка кокандская. Встречались так же полевица гигантская, тростник южный, эгилопс цилиндрический *(Aegilops cylindrica).* Из разнотравья – полынь обильная, шток-роза голоцветковая, девясил большой, лук Барщевского *(Allium barczewskii),* зверобой продырявленный, душица мелкоцветковая, жабрица одностебельная, кельпиния линейная, крупина мало цветковая. Иногда можно было увидеть поваленные стволы ферулы кухистанской *(Ferula kuhistanica).* Данный перечень не исчерпывает всех видов, отмеченных нами в фисташковых редколесьях. Осенний травостой уже далеко не тот, что был в середине, тем более в начале лета. Только по ветоши иной раз можно распознать, присмотревшись, некоторые виды, типичные для крупнозлаковых полусаванн.

К концу сентября фисташники имеют характерный и колоритный облик. На бронзово-желтом фоне иссыхающей на солнце растительности пестрели темно-зеленые, контрастные пятна фисташки, словно написанные кистью художника импрессиониста. Деревья фисташки стояли на расстоянии 8-10 м одно от другого, достигая примерно одинаковой высоты – 2,3-2,8 м. Некоторые из них имели высоту 3,5 м и нередко встречались невысокие, до 1-1,5 м. Последние были либо старые, либо молодые особи. Листья на деревьях кожистые, блестящие. Особый колорит фисташке придавали её созревающие плоды, расплывшимися, желто- или розово-оранжевыми пятнами пропечатанные на фоне крон. Видя эти пятна, мы сразу же направлялись к дереву и пробовали плоды на вкус. На одних деревьях они были спелые, светло-коричневые, с крапом. Они легко снимались с ветвей, и кожура их быстро отделялась от скорлупы ореха. На других – неспелые плоды, мелкие, только-только начинающие желтеть. Кожура с них совершенно не снималась. Мы были в восторге от этого дерева. Цвет листвы, смолистый запах и вкус плодов, способность произрастать в самых экстремальных условиях – все это нам нравилось, мы готовы были подойти к каждому дереву и по возможности это делали. Деревьев было сотни, может быть тысячи. Рассыпанные по обшир-

ному склону, они явно претендовали на ландшафтное значение и, вероятно, таковое значение они когда-то здесь имели. Верхние деревья фисташки поднимались до высоты 1420-1450 м, почти до линии водораздела. Поднявшись на отрог, мы увидели, что такие же южные экспозиции в сторону Кара-Джигача, уже без фисташки. Лишены её и доступные пешеходу каменистые склоны, примыкающие к реке Кара-Суу Только отдельными экземплярами она виднелась среди скал и камней на недоступных участках. Небольшие рощицы из когда-то обширных фисташковых редколесий сохранились в районе селения Афлатун, отдельными экземплярами в окрестностях села Кызыл-Туу, вплоть до заповедника Сары-Челек, где в ущелье Бакай-Сай, на высоте около 1400 м, на южном глинистом склоне произрастают ее единственные там особи. Очевидно, что южные склоны относительно невысоких гор Бозбу-Тау можно до высоты 1450 м и местами выше засадить фисташкой, диким и культурным абрикосом, особенно склоны в районе сёл Караван, Успеновка, Афлатун, Кара-Джигач, Ак-Суу, вплоть до Таш-Кумыра. Фисташковые и абрикосовые рощи озеленили бы усыхающий, выгорающий на солнце, обезвоженный пейзаж. Создаваемая деревьями тень позволит проникнуть на эти склоны ценному кормовому разнотравью, которого так мало в бородачовых травостоях.

Непривычно выглядят здесь вишня тяныпаньская и спирея зверобоелистная, растущие под пологом фисташковых редколесий. Они формируют разряженный кустарниковый ярус, приобретая форму подушечек. Среднее расстояние между подушечками 5-7 м. Чаще это расстояние больше – 10-12 м, а иногда и меньше, всего 1,5-2 м. В последнем случае формируются вишенники по бородачам. В Сары-Челеке вишня в бородачовых сообществах не встречается. Подушечки по ним формирует другое растение – вьюнок трагакантовый *(Convolvulus tragacanthoides)*. Подушечки имеют округлую или шаровидную форму, более плотные, чем вишня, более зеленые. Это настоящий крепкий кустарник с толстыми короткими ветвями, образующими сферу с многочисленными голубовато-зелеными листьями. В начале лета зеленые подушечки вьюнка расцвечиваются многочисленными, голубовато-розовыми цветами, совершенно схожими с таковыми у вьюнка полевого (*C. arvensis)*. Подушечки становятся очень нарядными. Тогда уже не остается никаких сомнений, что этот колючий полушар принадлежит к роду *Convolvulus.* А вот здесь вьюнка нет. Куртины вишни едва возвышаются над щебенкой, над желтым покровом бородача. Они выделяются на его фоне тёмно-серыми пятнами и видны на большом расстоянии. Наблюдается приуроченность их к фисташковым редколесьям, среди которых они встречаются всегда. При интенсивной хозяйственной деятельности на сухих склонах, прежде всего, исчезает фисташка, объедаемая овцами и вырубаемая на древесину. Не пригодная ни на дрова, ни в качестве корма скоту, вишня, как и сам строитель фитоценоза бородач – очень устойчивы к выпасу, однако и они все чаще и чаще не выдерживают антропогенного пресса, предложенного человеком, бессистемного и неумеренного выпаса.

«Горячее дыхание Ферганы», упомянутое ранее – не просто слова. На самом верху отрога мы в этом убедились. Мы увидели лишенные листвы экзохордники и красочные гроздья крупных ягод кизильников, растущих среди экзохорды, образующих местами бордюры вдоль водораздела с северной стороны и также лишенные листвы… и ветер, стремительный, горячий, обдувающий со всех сторон. Такого ветра я нигде не встречал, только здесь в ущелье Кара-Суу, на этом водоразделе. Он никогда не простудит и никогда не даст вспотеть. На этом ветру не жарко и не холодно. Только приятное, горячее и освежающее тепло. Это райский ветер, он желанен и незабываем. Но этот райский ветер очень сух, он не несет влаги. Мало того, он отнимает её у всего живого, что встречается на его пути, вытягивает из почвы, из стволов и ветвей растений, теряющих листву.

Оставив «горячее дыхание Ферганы», мы пошли вверх, по водоразделу ущелья Кой-Таш. На высоте 1480 м широкое платообразное пространство, местами – в лощинах, заросло

сорняками – крапивой *(Utrica dioica),* полынью *(Artemisia absinthum),* котовником *(Nepeta formosa)* и крупными кустами спиреи зверобоелистной, достигающей высоты 2 м и более. Между кустами образовались большие поляны с совершенно выбитым травостоем. Сделав описание, мы вернулись на южный склон, в ущелье Кой-Таш, и двинулись по диагонали склона в глубь, постепенно снижаясь и в то же время приближаясь к его средней части. Такой диагональный спуск имел свои плюсы, так как мы имели возможность сделать ряд описаний, в общем-то, заповедной растительности, где, вероятно, благодаря фисташке, выпас скота не производился уже много лет. Идти по вытоптанному скотом водоразделу было конечно легче, но не сулило нам ничего интересного в ботаническом плане.

По мере продвижения в глубь ущелья травостои становились более мезофильными. Несмотря на частые выходы камней, склоны были затянуты разряженными, но уже высокими кустарниками вперемежку с фисташковыми деревьями. В травостое возросло число злаков. В ряде мест бородач уступил господство ячменю луковичному *(Hordeum bulbosum)* а иногда осоке туркестанской, возросло обилие тимофеевки степной, мятлика луковичного, ежи сборной. Появились шток-роза, спаржа пренебреженная *(Asparagus neglectus),* в массовом количестве ветречался девясил большой *(Inula grandis)* – крайне интересное растение из семейства сложноцветных, с огромными, до метра в диаметре, круглыми прикорневыми листьями, формирующими розетку. Это – эдификатор полусаванн. Реже произрастали полынь ферганская и ферула Коржинского *(Ferula korshinskyi)*. Последняя – очень высокое зонтичное, нередко достигающее высоты 3,5 м, растение, характерное для солнечных и каменистых склонов, правда, эта ферула не поднимается выше 1400 м и предпочитает поселяться в зарослях кустарников, над которыми, как правило, возвышается. Своей высотой это растение приспособлено для обитания среди кустарников. На мой взгляд, это одно из косвенных подтверждений того, что многие кустарниковые формации в районе исследования имеют коренной возраст. То есть являются первичными. В Сары-Челеке эту ферулу можно встретить на южных закустаренных склонах Бахчеб-Сая и по бортам Ходжа-Аты. Растение очень изящное. Гладкий блестящий стебель покрыт тонким слоем голубовато-серебристого талька, который при прикосновении остаётся на руках. Если удалить серебристый налет, стебель становится менее впечатляющим – светло-зеленым или красновато-фиолетовым. Не думаю, что ферула «пудрится» для красоты, чтобы произвести впечатление. Вполне возможно этот налет предохраняет растение от солнечных ожогов…

Мой ровесник, старина высотомер, снятый со старого самолета, показал 1300 м. Дорога по ущелью стала круче. Сзади послышался веселый детский смех и громыхание телеги. Мы поднялись метров 10-15 по склону, уселись в высокую траву и притихли. Нам не хотелось никому мешать из чувства осторожности, лишний раз напоминать о себе. Появилась лошадь, запряженная в телегу, в которой сидели седой старик и трое-четверо маленьких детей. Они оживленно и весело о чем-то разговаривали. Старик рассказывал, дети смеялись. Проводив их взглядом, мы пошли вслед за ними, по ущелью вверх. По днищу встречались деревья грецкого ореха, произрастающие одиночно и группами по два-три. Орех не достигает здесь больших размеров, как, например, в ущельях Сары-Челека, а всего только 6-8 м.

Встречались разряженные экзохордники по северным и даже по южным склонам. Они не такие высокие и густые, как в долине Ходжа-Аты, тем не менее, мы еще не видели, чтобы этот мезофильный кустарник относительно благополучно рос по бородачевым травостоям. В ложбинах, от самого низа поднимались языки каркасовых рощ *(Celtis caucasica)* – небольшое (2-4 м) дерево с черным относительно толстым стволом, густой шаровидной кроной и кожистыми блестящими листьями, встречающееся на сухих щебнистых склонах, никогда не достигает больших размеров, но способно образовывать рощи и давать тень, пригодную для появления лесных видов. По склонам произрастали каркас, вишня тяныпаньская, спирея зверобоелистная, фисташка. На высоте 1400 м фисташка исчезла с бортов ущелья,

появилась редкая арча. Преобладали – экзохорда, не превышавшая 2 м высоты, и яблоня Сиверса. Встречались кизильник мелкоцветковый *(Cotoneaster multiflorus),* зверобоелистная спирея, жимолость Королькова *(Lonicera korolkowii),* ближе к основанию склона – боярышник туркестанский *(Crataegus turkestanica),* каркас, орех грецкий, роза широкошипая *(Rosa platyacantha).* В травостое господство бородача было уже далеко неполным. Помимо его, обильно встречались – тимофеевка степная, костер острозубый, ячмень луковичный, эгилопс цилиндрический, лентоостник, туркестанская осока, шток-роза, зверобой продырявленный, душица мелкоцветковая, лук Фетисова *(Allium feti sow И),* льнянка Попова, девясил большой, скерда однолетняя *(Crepis pulchra),* эремурус Регеля *(Eremurus regeln).* Среди многочисленных скал, торчащих из земли, особенно по противоположному – северному склону ущелья – более крутому и влажному, преобладали коротконожка лесная, ежа сборная, мятлики – боровой, луковичный, тимофеевка степная, а также лигулярия Томпсона *(Ligularia thomsonii),* ферулы – прерывистонервная, тонкорассеченная *(Ferula penninervis, F. tenuisecta),* прангос кормовой, очиток Эверса *(Sedum ewersii),* смолевка Кушакевича *(Silene kuschakewiczii),* растущая по теневым склонам многочисленными высокими дернинами. На камнях, среди названных осок и злаков, мягкими ковриками произрастали папоротники – скребница аптечная *(Ceterach officinarium),* и краекучник персидский *(Cheilanthes persied).* Последнего было особенно много. Описав обе стороны ущелья там, где встречались одиночные невысокие орехи, мы пошли выше. На высоте около 1600 м бородач еще не покинул южные склоны и встречался в значительном обилии. Преобладали коротконожка, прангос кормовой, ежа, тимофеевка степная, кострец безостый *(Bromopsis inermis),* названные выше ферулы, девясил большой. Ореховые леса так и не появились. Встречались: клен туркестанский *(Acer turkestanicum),* яблоня киргизов *(Malus kirghisorum),* боярышник туркестанский, растущие разряжено. Из кустарников – экзохорда, жимолость шерстистая *(Lonicera lanata),* крушина слабительная *(Rhamnus cathartica),* роза широкошипая, барбарис разноцветовой *(Berberis heterobotrys),* также растущие разряжено, как и деревья, формируя обширные осветленные участки с зарослями ячменя. Лесная растительность сохранилась не только в пределах крутой части ущелья Уч-Курт. Заповедные склоны с предельно сомкнутыми бородачевыми сообществами и фисташковыми редколесьями остались позади. У последнего бородачевого пятна сделали очередное описание. На высоте около 1800-2000 м по некоторым признакам чувствовалась близость высокогорий. Ячмень исчез. Появился таран дубильный *(Polygonum coriarium).* Тропа круто повернула вправо, на широкую лощину с пологими травяными бортами. На высоте около 2100 м вышли на водораздел и направились по объединенной тропе вверх, как я предполагал в сторону главной вершины Бозбу-Таусского хребта горы Шилби (2878 м), на склонах которой берут начало все главные речки Бозбу-Тау – Куяшсай, Ак-Суу, Калай. Вдоль водораздела стало больше ириса русского, появился типчак или овсяница бороздчатая – неприхотливый, невысокий, но очень ценный в кормовом отношении злак, вегетирующий многочисленными щетками листьев и осенью, и зимой. Этот злак, как я сегодня думаю, уходит из многих мест своего былого обитания. Его было значительно больше в прошлые эпохи. В Западном Тянь-Шане ему становится жарко. Без него было бы труднее осуществить многие экспедиции по пустынным и горным территориям Центральной, Средней и Малой Азии, и армии древних полководцев не смогли бы пересекать без него большие расстояния. Слева, в километре от нас, виднелся широкий конус с платообразной вершиной, возвышающийся приблизительно на 300 м. У его подножия стояли кошары, загоны для скота и юрты чабанов. Из необходимости избежать неприятные встречи с чабанскими собаками, лай которых доносился до нас с нарастающей силой, мы не пошли в нужном нам направлении, напротив, стали поспешно удаляться от этой доступной и близкой возвышенности. Этим мы изменили свой маршрут и создали себе кучу проблем.

На высоте 2300 м мы вышли к водоразделу Ак-Суу Самая болышая речка Бозбу-Таусских гор, несущая в секунду меньше одного кубометра воды, за миллионы лет прорыла глубокий каньон. Вниз обрывались щебнистые, крутые, заросшие кустарниками склоны, украшенные осыпями и выходами камней. В глубине ущелья виднелись небольшие рощицы из клена, каркаса, боярышников и орехов, растущих раздельно и в сочетании с зарослями шиповников, жимолостей и высокотравий. Постояв на водоразделе, мы двинулись на юг, в сторону главной вершины, рассматривая внизу, иногда видневшуюся скалистую, изрезанную долину Ак-Суу с зеленой каймой растительности, желтой ниточкой дороги и прерывистой белой полоской бурлящего водного потока одноименной речки. Никаких строений на дне долины не было видно.

О реке Ак-Суу, как впрочем и о горах Бозбу-Тау, я не нашел никаких сведений в современных справочниках и литературных источниках, кроме упоминаний в перечислениях. Старший научный сотрудник лаборатории геоботаники, Лидия Ивановна Попова включила эти горы в список мест, которые мне необходимо было обязательно обследовать. Она была здесь в молодые годы, ещё в 1946 г., и её интересовало, что с тех пор изменилось? Высота 2350 м, мы видим в травостоях господствующий прангос, несколько видов полыней – обильную, ферганскую, однолетние костры – кровельный и острозубый, а также типчак, ежу сборную, короткотрубковый ирис, мятлик расползающийся…

Густые леса произрастали в этой местности очень давно. Они росли в эпоху арабских завоевателей. Об этом свидетельствуют немногочисленные литературные источники. Так как эти невысокие горы выдвинуты в Фергану, они всегда были доступными пастбищами и стали, наряду с чаткальскими предгорьями и низкогорьями, первой жертвой рубок и выжигания. Былые роскошные леса состояли из арчи, абрикоса и фисташки. По сырым ущельям произрастали клён, орех грецкий, яблоня Сиверса, названная так в честь ботаника Иоганна Сиверса, в 18-м веке путешествовавшего по Сибири. В 1791 г. Сивере обследовал Яблоневый хребет, по границе России с Китаем, и район Кяхты. Конечно же, между Яблоневым хребтом в Сибири и яблоней Сиверса нет никакой связи… Вернемся к ущельям гор Бозбу-Тау. Здесь встречались ель Шренка, пихта Семенова. Это были горы и долины, несущие в себе лучшие черты Чаткальского и Ферганского хребтов. Главным деревом Бозбу-Тау была арча. Арча и названные лиственные породы поделили между собой экспозиции склонов. Они произрастали от межгорных долин до субальпийских лугов и по мере истребления уступали своё место сухостепной и пустынной растительности. По свидетельству историков, в начале 8-го века, древостой арчи (скорее всего зеравшанской), фисташки и абрикоса покрывали не только склоны гор, но и подступали к оазисам и городам. Начало истреблению лесов, как в Средней, так и в Малой Азии, положили не столько арабы и даже не согдийцы с бактрийцами, жившие здесь всегда, и не войска Александра Македонского, достигшие Окса и Яксарта, а значительно позднее кочевые и полукочевые тюркско-монгольские племена, пришедшие с Востока. Они были готовы до бесконечности расширять площадь выпаса, чтобы прокормить свои многочисленные большие семьи. До сих пор они смотрят на посевы и леса неприязненно-равнодушно. Они завоевали огромные пространства, похоронили под копытами своих лошадей многие десятки государств, городов, культур, ускорили процессы формирования пустынь в аридных областях Азии. Неудержимый рост населения побуждал эти народы отпочковываться от материнского ядра где-то в маньчжурских или монгольских степях и рыскать по Срединной Азии в поисках новых плодородных земель.

Вокруг забытых гор Бозбу-Тау, по дуге Караван – Успеновка-Афлатун – Джанги-Джол – Таш-Кумыр, давно уже не осталось русского населения. Полуокружённые мощной водной артерией – рекой Кара-Суу, эти горы по своей внутренней территории пустынны. Здесь нет озер, высоких горных пиков и заснеженных вершин. Местные речки обмелели, когда были истреблены леса Бозбу-Тау. А ручьи и речки, стекающие с этих гор, настолько незна-

чительны, что их даже не берут в расчет. Видневшиеся сквозь серую кокандскую дымку, покрытые пропыленной, иссушенной на солнце растительностью, они ничем не привлекали редкого путешественника, спешащего в прохладный Сары-Челек, на сверкающий снежными вершинами Чаткал. И ученый человек, проехав от Каравана до Афлатуна, видел только пропыленные изломы черно-серых камней вперемежку с колючими кустарниками караганы, с желтыми высохшими на солнце и горячем ветре девясилами, оглушительно громыхавшими листьями, подобно медным листам, с упавшими прутьями эремурусов, похожих на обглоданных длинных рыб, исполинскими канделябрами ферул, аморфными пятнами сухих прангосов, отцветших еще в весеннее время, но и он поворачивает в долину Ходжа-Аты, под тенистые кроны орехов. Кто останавливался здесь, поворачивал в Бозбу-Тау? Да никто. Молчанием обошел их БА. Федченко. О.Э. Кнорринг и ЗА. Минквиц были немногословны. Вскользь упомянул о них Д.Н. Кашкаров. И.В. Выходцев абстрактно включил их в Чаткало-Ферганский район, не назвав по имени. Л.И. Попова и В.И. Ткаченко описывали их эпизодически, по вышеназванной дуге они не поднимались высоко, спеша через Турдук в благодатную долину Кетмень-Тюбе. В известной коллективной книге «Бассейн реки Нарын» (1960 г.) нет даже упоминания об этих горах как части бассейна. Е.П. Коровин и А.Г. Головкова также проигнорировали их, Н.В. Павлов, наверное, о них не слышал, что, конечно, сомнительно. Несколько раз упомянули о них М.Г. Пименов и Е.В. Клюйков, К.В. Станюкович не выделил их поясности – уж слишком малы, известные флоры редко уточняли по ним ареалы растений.

Высотомер показал 2450 м. Солнце приближалось к линии горизонта. Как правило, в такое время уже надо возвращаться к палатке. Мы же продолжали подниматься вверх по хорошо пробитой скотопрогонной тропе, которую пришлось вскоре оставить, чтобы укоротить путь. В голове у меня уже возникала беспокойная мысль о палатке, оставленной на целый день без присмотра. Мы не успеем вернуться засветло и где та вершина, к которой мы идем без карты, не имея ни малейшего представления о пересекаемой местности. Да, конечно, потерять палатку, продукты и некоторые вещи – досадная неприятность, но не такая уж великая трагедия. Её мы как-то переживем. Все то, что имеет для нас жизненно важное значение – деньги, документы, авиабилеты в Бишкек с датой вылета через 15 дней, а также дневники полевых записей – мы взяли с собой, кроме отснятых пленок, гербарных сборов и нескольких книг – определителей растений, которые вряд ли кому понадобятся. Напрягая зрение, мы вглядывались в очертания гор, надеясь увидеть конечный пункт нашего маршрута. Просрочив время возвращения к палатке, мы преодолели этим поступком другой – психологический перевал, ведь это не входило в наши планы, которые пришлось изменить. Уже не спешили, часто останавливались, я обстоятельно составлял описания, несмотря на то, что растительность не менялась существенно. Выпас выравнивает травостои, приводит их к общему знаменателю. Но описания нужны для того, чтобы наша работа стала реальностью, весомой и значительной. Мне же нужно было удовлетворить и личное любопытство, из-за которого я все это затеял: выяснить, встречаются ли луковые сообщества в верхней, субальпийской части Бозбу-Таусских гор. Не сделать описаний по маршруту – означает сходить в пустую.

– Это хорошо, что мы сюда поднялись, – объявил я твердым голосом и себе, и своим спутникам, чтобы их подбодрить. – Сегодня мы сделали большую работу. Теперь нужно найти место, где можно устроиться на ночлег.

– Ты, папа, не претворяйся, я знаю, тебе хочется посидеть у костра, попить чаю, а заодно привести в порядок свои записи, – отозвался старший.

– А что, мы сегодня останемся без чая? – переспросил Антон.

– Извини, Антон, придется потерпеть, – ответил я.

– Ты что, папа, а как же наша палатка? Нет, нет, пойдём домой!

Мне пришлось объяснить Антону, что мы придем домой часа в три ночи, если по дороге, в темноте, не слетим куда-нибудь с обрыва. Все замолчали.

– А как ты думаешь здесь спать? – после минутного молчания нарушила тишину Мария.

Местность представляла собой всхолмленную поверхность, покрытую типчаково-ирисовым травостоем. Холмы чередовались с выходами камней, различными ложбинами и крутыми откосами более глубоких ущелий. По каменистым участкам среди кустарников встречалась арча. Перед сумерками вышли на главный водораздел Бозбу-Таусских гор, на склоны, покрытые прангосами, уходящие в сторону Афлатуна. Самого поселка и долины одноименной реки не было видно. Млечно-серая кокандская мгла стала явственней на вечернем солнце, усиленная близостью сумерек она окутала плоские вершины отдаленных холмов и скал. Даже, если это и был главный водораздел, то ещё не Шилби. Взглянув на запад, я увидел панораму вершин и не узнал среди них Шилби с серовато-желтыми, светлыми обрывами. Я видел её с вертолета год назад, чем-то напомнившую мне глинистый холм среди зеленых долин. Мы вылетели из турбазы «Сары-Челек» в направлении Таш-Кумыра. Вот выдержка из дневника: «За слиянием Афлатуна с Кара-Суу исчезли кустарники, приуроченные к аренам разрушающихся камней, потянулись желтые выгоревшие предгорья. По правую сторону проплывали более-менее высокие горы Бозбу-Тау, закустаренные по днищам и бортам многочисленных глубоких саёв, там виднелись группы деревьев невысоких, кустовидных. Непрерывные тугаи тянулись вдоль больших ущелий с лесами по лощинам и северным склонам.». Как скупо! Но тогда меня, всеми своими мыслями еще привязанного к Сары-Челеку, эти горы интересовали не больше, чем все другие, за пределами заповедника. Я не мог себе представить тогда, смотря на них с вертолета, что следующим летом буду подниматься по ним пешком. Заповедник казался мне вполне достаточным для изучения объектом, по площади по разнообразию. Но что можно успеть рассмотреть с вертолета? Даже пролетая над знакомой местностью, я сделал только несколько сумбурных заметок на полстраницы, хотя очень спешил увидеть и записать как можно больше. Потом выяснилось, что и эти записи не совсем удачны, не туда надо было смотреть. Что уж тут говорить о незнакомых горах Бозбу-Тау, я даже не отметил, есть ли кустарники по их верхним поверхностям. Но вернемся в тот сумеречный вечер, когда мы вышли на главный водораздел этих гор.

Высота берет своё. 2490 м. Луковые луга были найдены в северных лощинах, под обнажениями камней. Это овсяницево-луковые сообщества, в составе которых уже знакомые – давно отцветший лук черно-красный[14], высотой до 0,6 м, овсяница тяныпаньская *(Festuca alatavica),* ежа, лисохвост луговой, герань прямая, флёмис горолюбивый *(Phlomis oreophila),* щавель кислый, паралигустикум пестрый (*Paraligusticum discolor),* тысячелистник, колокольчик сборный (*Campanula glomerata),* порезник Шренка *(Seseli schrenkianum),* купальница алтайская, скерда сибирская *(Crepis sibirica),* золотарник даурский *(Solidago dahurica),* ирис согдийский *(Iris sogdiana).* Они чем-то отличались от сарычелекских, геранью что ли, или тем, что лук здесь тоже какой-то другой.

В начавшихся сумерках нашли пологий участок склона, в 20 м ниже водораздела. Ломали прангосы, дёргали герань, срезали ножом злаки, собирали лежащие прутья эремурусов, обилие последних очень радовало, они особенно хороши для матрасов. Мы укладывали их на грунт непосредственно под собой. Когда убедились, что запасенной травы достаточно, небо почти потемнело. Оно было густо-синим…

Я еще раз взглянул на ночлег, что-то мне так сильно напомнивший со стороны. Да, точно, я видел почти такой же два года назад у подножия Тооку, в Сары-Челеке. Это было заброшенное гнездо кабана. Взглянув, еще раз, на потемневшее небо, мы увидели гроздья

[14] Лук Кауфмана *(Allium kaufinanii).*

ярких звезд. Ночь прошла спокойно. Вернувшись в лагерь, мы нашли целёхонькую застегнутую палатку, всё оказалось на месте, и опасения наши были совершенно напрасными. Кто поплывет через Кара-Суу ночью, даже, если он знает, что на месте нас нет.

За три дня мы совершили еще несколько небольших маршрутов для описания растительности на россыпях камней в ущелье Учкурт. Там были густые, декоративные заросли курчавки прутьевидной *(Atraphaxis virgata)* – невысокого, до 1-1,5 м, обильно и тонко ветвящегося кустарника из семейства гречишных, жимолости Королькова *(Lonicera korolkowii),* боярышника понтийского *(Crataegus pontica)*. Они росли по крупнообломочным черным россыпям камней, на склоне 20-25 градусов, и привлекали наше внимание сизовато-красными аспектами цветущей курчавки, белыми пятнами её альбиносов, растущих здесь же, и всё это в окружении густых, предельно сомкнутых бородачевников. Для меня осталось загадкой, это массовое осеннее цветение курчавки, календарные сроки цветения и плодоношения которой – май-июнь. Описали скалы вдоль побережий Кара-Суу, которые так часто видели из окна автобуса. Это были вишнёво-курчавковые сообщества по камням, с клематисом восточным *(Clematis orientalis),* эфедрой хвощевой *(Ephedra equisetina),* спиреей зверобоелистной, фисташкой. Местами они чередовались с незаросшими россыпями камней, зарослями однолетних костров и полыни ферганской. Не спеша мы подчистили все что возможно, дабы потом не хвататься за голову, укоряя себя за леность во время экспедиции и решив, что сделали все от нас зависящее, стали собираться в следующий пункт нашего путешествия – в Сары-Челек. Стало ясно, что о нашем лагере узнало много народу. Яркая, новая палатка привлекала внимание окрестных жителей, проезжающих по оживленной автодороге водителей и пассажиров. К нам зачастили гости, главным образом, молодые люди, переплывшие реку, нам сигналили с противоположного берега, махали руками, что-то кричали, приветствовали словно старые знакомые, но сквозь шум Кара-Суу мы ничего не слышали. И это настораживало, мало ли что кричат. Переплывшим через реку гостям, задающим вопросы, мы отвечали уклончиво и осторожно: «А как же быть в экспедиции без ружья, оно у нас есть…», «Жить будем здесь долго». «Нас здесь несколько человек – остальные в маршруте…» – эти оптимистические ответы внушали некоторую уверенность, что злоумышленники не сразу-то рискнут проникнуть в лагерь, при всем этом мы знали, что только Кара-Суу спасает нас от нежелательных последствий неблагополучного времени. Я понял, что нам пора уходить.

Следует заметить справедливости ради, киргизы – терпеливый, спокойный и миролюбивый народ. Они отличаются от узбеков, таджиков. Мы чувствовали себя в безопасности, находясь рядом с киргизскими селениями. Всего лишь год назад, после очередной поездки в Чаткальский хребет, перед вылетом в Бишкек мы ночевали в аэропорту. Пустой аэропорт, сторож-киргиз и мы вчетвером. Кто бы еще пустил сюда нас – незнакомых людей? Сторож-киргиз – пустил. Когда стало темнеть, одна за другой, стали съезжаться автомашины, вытаскивали из багажников коньяки, водку, закуску. Наше намерение незаметно скрыться не удалось, и нам пришлось присоединиться к собравшимся, принять участие в их спорах и разбирательствах, выслушивать объяснения и быть свидетелями примирения после обильной выпивки. Нас возвели в ранг судей. Это примирялась местная элита, местное начальство, так или иначе задевшие друг друга в так называемых «ошских событиях»[15]. Произносились тосты за мир и дружбу. От таких тостов трудно уклониться. Утром мы благополучно улетели в Бишкек. Этому последнему эпизоду прошлогодней поездки, когда мы имели дело, в общем-то, с образованными людьми, предшествовало противоположное по смыслу приклю-

[15] Резня, произошедшая в Ферганской долине летом 1989 г. Пострадавшие турки-месхетинцы соответственно вели себя в Фергане – захватывали земли, рынки, чем вызвали к себе ненависть узбеков. Последние выгнали турок из Ферганы в Россию.

чение, задавшее нам заряд тревоги на все последующие дни. Мы находились лагерем, за день до «ошских событий», в Жылгыне на берегу Ходжа-Аты, на пути в Сары-Челек. Вечером, рядом с нами остановился автобус из Коканда, полный узбеков. Они высыпались из автобуса и устроили тут же ночлег. Радушные и гостеприимные с виду, они были далеко не таковыми, и с ними надо было держать ухо востро. Нас буквально растащили в разные стороны. Мне наливали водку, предлагая всевозможные тосты «за великий русский народ», не отпускали, а в это время несколько человек ускользнули к моей палатке. Прибежавший Сашка взволнованно прошептал, что мама с Антоном одна, и к нам в палатку пришли какие-то наглые дяди. Я с трудом отцепил их руки от моих брюк и побежал на помощь семье. Теперь я не сомневаюсь, только близость киргизского села спасла нас тогда от большой неприятности. Мы могли бы исчезнуть, как это было с другими европейцами в Узбекистане, которых никто не искал. Тем не менее, и это приключение не поколебало моё доброжелательное отношение к узбекам, среди которых у меня есть друзья. Вернемся в Джанги-Джол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.